

Арбат. Вуз на здании МГУ

Владимир
Казимиров

НАБРОСКИ

РАЗНЫХ ЛЕТ И ЭПОХ

Москва
«Вест-Консалтинг»
2021

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К14

Казимиров В. Н.

К14 **Наброски разных лет и эпох.** Издание 2-е —
М.: Вест-Консалтинг, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-91865-643-3

Автор сборника — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР/России, Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

Председатель Совета ветеранов МИД России (2011–2016). Один из основателей литературно-творческого объединения Министерства «Отдушина». Составитель 7 антологий поэтов-дипломатов и 2 сборников стихов выпускников МГИМО.

В данной поэтической книге автора представлены и ранние стихотворения, и совсем недавние. В них — раздумья о судьбах Родины и мира, богатый жизненный опыт человека, заставшего разные времена, лирические стихи, шуточные и сатирические строфы.

© Казимиров В. Н., 2021

© Вест-Консалтинг, оформление, 2021

ДИПЛОМАТ И ПОЭТ ВЛАДИМИР КАЗИМИРОВ

Владимир Николаевич Казимиров — пожизненный (уже более 60 лет) сотрудник Министерства иностранных дел СССР/России или затем активный член коллектива его ветеранов. Этот полный энергии человек, перешагнувший девятый десяток, в молодости успел поработать под началом Ю. В. Андропова в нашем посольстве в Венгрии (его возглавлял будущий генсек ЦК КПСС). Крутые события там осенью 1956 г. общеизвестны. Через десяток лет он — первый посол нашей страны в государствах Центральной Америки — дважды в Коста-Рике, а позднее и в Гватемале. Затем вручал верительные грамоты в Венесуэле, в Тринидаде и Тобаго, в охваченной многолетней гражданской войной Анголе. В 90-е годы прошлого века был главой посреднической миссии России, полномочным представителем Президента РФ по урегулированию первого конфликта вокруг Нагорного Карабаха (в 1994 г. оформил бессрочное перемирие, остановив двухлетнюю войну в этом сложном регионе). Удостоен ряда отечественных и иностранных наград. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. В его трудовой книжке мидовский стаж — 47 лет, хотя, как говорится, поступали и иные небезынтересные предложения.

Автор этого сборника деятелен и в общественных структурах своего коллектива. После 70 лет он возглавлял то рабочую группу десяти послов в отставке по созданию самого

бойкого и оперативного звена в нынешнем Министерстве, то был первым заместителем председателя Ассоциации российских дипломатов (2005–2011), то председателем Совета ветеранов МИД России (2011–2016). Заботился о пенсионерах внешнеполитического ведомства, добившись при помощи Е. М. Примакова и С. В. Лаврова чуть ли не двойного роста пенсий, инициировал мемориальное панно сотрудникам НКВД–защитникам Москвы на бывшем здании Наркомата СССР, создание памятника им на Смоленщине, проявлял другие добрые начинания.

В творческих и литературных делах был одним из основателей ЛИТО «Отдушина», составил 7 антологий поэтов-дипломатов и 2 сборника выпускников МГИМО. Основал газету общественных организаций МИД «Наша Смоленка: люди и дела».

В. Н. Казимиров поныне в строю — активен в Совете ветеранов МИД России и среди поэтов-мидовцев, делится опытом с молодежью, выдвинул предложение назвать одну из улиц именем А. А. Громыко (направлено мэрии Москвы и в принципе принято ею).

В коллективе МИД автор этой книги всегда доброжелателен, приветлив. И при этом деловит. Чтобы понять характер Владимира Николаевича, нельзя забывать при этом, что он и поэт. Это стало доброй традицией в отечественной дипломатии: во внешнеполитическом ведомстве служили и Пушкин, и Тютчев, и Грибоедов, и другие видные представители русской изящной словесности. Министр ино-

странных дел России С. В. Лавров — автор замечательных (подлинно профессиональных!) стихов.

Казимиров относится к своим поэтическим делам самоиронично, с большим скепсисом, не считая себя профессионалом. Эту полную мудрости и поэтической новизны книгу, которая сейчас перед вами, уважаемые читатели, я не один год побуждал его издать.

Между тем, это поэт подлинный, нежный лирик и автор острых гражданских стихов, мастер ритма и неожиданных рифм (например, использует очень сложные составные рифмы: льет теперь — оттепель; за день — сказать им: серёжками — идёшь ко мне и т. п.). И главное — этот автор всегда честен, предельно откровенен в своем поэтическом высказывании. Это поэт философской мысли, поднимающий сложнейшие — основные! — вопросы бытия.

*Кончились мои десятилетия.
Счет пошел от силы — на года.
Но дороже всех как раз последние —
ведь не повторятся никогда!
Но с хандрой не собираюсь встретиться
и у той, рубежной, полосы.
Даже если счет пойдет на месяцы,
на недели, дни или часы.*

Честное, пронзительное, мужественное стихотворение, написанное в лучших традициях русской классики. Интересно отметить, что в поэзии Казимиров совсем не дипло-

матичен, он пишет, не избегая острых углов, как и положено истинным поэтам. Если любит — так любит, ненавидит (недрузгов Родины) — так ненавидит, не скрывает своих взглядов и убеждений и называет вещи своими именами.

Есть у этого автора и шуточные стихи, и самоироничные. Чего нет у Казими́рова — так это самолюбования, самовозвеличивания. Это очень строгий по отношению к самому себе человек, что и проявляется в незаурядных, невероятно откровенных и берущих за душу стихах.

*Просто смят, раздавлен, изничтожен
не красою слов, а вихрем чувств.
С детства я грешил стихами тоже,
но вот так — никак не доучусь.
Сто страстей во мне перебесилось.
Так и не догнал свою мечту.
Да к тому ж слащавую красоту
принимал, чудак, за красоту!*

Нет в стихах Казими́рова слащавой красоты, нет в них фальши. А есть честный разговор с самим собой и нами, его читателями. Именно стихи поэта Казими́рова помогают понять природу человека. Помогают жить. Я счастлив, что эта незаурядная книга (уже во втором издании) пришла к читателям. В полку состоявшихся поэтов-дипломатов прибыло.

*Евгений СТЕПАНОВ,
издатель, кандидат филологических наук*

НАЧАЛО

* * *

Третий год — то, подминая наст,
то, глотая пыль да чернозём —
мы туда, где так заждались нас,
метр за метром, день за днём
ползём.

А потомок, радужно пыля
где-то в шлейфе Млечного пути,
возомнит: «Как крохотна Земля —
ничего не стоит обойти!»

Отряхнись-ка от звёздной пыли!
Предки здесь для тебя когда-то
каждый метр Земли оплатили
кровью или жизнью солдата!

1944

* * *

Пусть говорят мне, что всё перепето —
я не смогу позабыть их:
первое в жизни военное лето,
вихри суровых событий.

Путь на восток безутешен и горек.
В траурном пепле теряется след.
Что ты опишешь, историк?
Как ты расскажешь, поэт?

Звёзды из жести на братских могилах.
Дети в кюветах, распятые бомбой.
Совесьть призывно в леса уводила.
Ярость вела в катакомбы.

Нас, как мальчишек, не брали сражаться.
Долго мы даже не знали
про окруженья под Вязьмой и Гжатском,
про ордена и медали.

Голод и холод, невзгоды и тленье,
всё через силу терпя,
память о том и моё поколение
круто впитало в себя.

* * *

Люди, люди! Да как же вы жалки
в суете повседневных забот!
Посмотрите, какие подарки
вам природа весенняя шлёт.

Позабудьте любые невзгоды
и не пачкайте ими души.
Вы же дети любимой природы.
Будьте так же чисты и свежи.

1947

Снова тянет откуда-то запахом дымным.
Слышишь — ветром доносит порыв грозовой.
Может, завтра же хлынут свинцовые ливни,
и начнётся последний, решительный бой.

Может, завтра сплошной канонадой разбудит
захлебнувшийся кровью рассвет —
значит, наша пора, нам идти, чтобы людям
снова мир обрести не на несколько лет.

Наше счастье не здесь, на домашнем пороге —
там, за днями тревог и невзгод — впереди.
Нам идти и идти, проклиная дороги,
прославляя дороги, идти!

И, конечно, как знать... А случись, и не будет
ни надгробных речей, ни поникших знамён,
ни прощального залпа охрипших орудий...
А окопный попутчик не вспомнит имён.

Только друг, разузнав, молча снимет пилотку.
и тревожная юность мелькнёт наяву,
да свирепая ярость сведёт ему глотку,
да кипящая капля падёт на траву.

Знаю точно: натруженных век не смежая,
сквозь железную мглу к будням строек и книг
он упрямо пройдёт, за двоих сокрушая,
чтобы вновь созидать за троих.

Так что если не петь нам привольные песни,
не узреть надо мглой торжествующий свет,
всё восполнит тогда мой упорный ровесник,
тоже страстный романтик, чудака и поэт.

.....

Встань на встречном ветру перед заревом алым
и в широкую даль, не мигая, взглядишь.
Видишь брезжащий свет — ясный день перевала?
разделившего юность и зрелую жизнь?!

Освежай наши души, бушующий ветер,
пой задорные песни, чтоб всяк подпевал,
чтобы звали в огонь, чтоб никто не заметил,
как взойдём мы с тобой на крутой перевал!

1949

РОДИНА И ЗАГРАНКА

* * *

Никто не выбирает, где родиться —
ни город, ни деревню, ни страну.
Что никому не ставится в вину...
Нам дарят целый мир как за границу,
а Родину — пожизненно одну.

И кто б ты ни был — пахарь или воин,
дух Родины бесценней, чем пейзаж.
Тебя не сманит никакая блажь.
Ведь если ты земли своей достоин,
её не променяешь и не сдашь.

СНЫ НА ЧУЖБИНЕ

Утра в хрустальных росах.
Птичий лесной галдёж.
Всё, что ты дома бросил,
где ты ещё найдёшь?

В жёлтом огне осинник.
Думы седых дубов.
Снова зовёт в Россию
преданная любовь.

Помнится ночь над полем,
белые петли рук...
Милое всё — до боли.
Но далеко — до мук!

Звон золотой пшеницы
да васильки во ржи...
В них бы мне и зарыться —
в поле на воле жить!

Сосен резные кроны.
Песни босых берёз.
Родина! Ты лишь тронешь
душу до самых слёз.

1948

В ДОРОГЕ

...И снова за окнами — пёстрые вёрсты
да ветер гуляет окрест.

Да, взмыв из трубы, паровозные звёзды
стремительно падают в лес...

Как будто бы дома ты вовсе и не был —
всё время в пути да в пути.

Летит на восток неподвижное небо,
а поезд на запад летит.

Беспечную лёгкость дорожных котомок
да бодрые песни в груди —
завидная участь! — от дома до дома,
из края в конец пронести.

И чтоб там ни снилось твоей недотроге,
где тихие полдни во сне непробудном —
ведь ты предпочёл поезда и тревоги,
ведь ты полюбил беспокойные будни!

29 июля 1949

ИЗ РИЖСКОЙ ТЕТРАДИ

Россыпи ракушек на песке.
Моря ветром выверенный гул.
Почему, в какой такой тоске
ты в такие дали завернул?

Облака вдали бегут грядой,
и такой струится чистый свет,
что перед пленительной водой
ни один не устоит поэт.

Под ногами мелкой гальки хруст.
Непокорный пенится прибой.
Столько дум высоких, столько чувств!
Как мне, море, хорошо с тобой!

Гладь мне волосы своей рукою,
зыбистыми волнами качай.
Пой мне, море, что-нибудь такое,
чтоб забыть усталость да печаль...

Лечат душу мне твой плеск и звон —
и дышу свободней, и пою.
И уже за ласку синих волн
сам себя всецело отдаю.

Мне по сердцу твой суровый нрав,
вольная стихия — по годам.
Но за это я ни зелень трав,
ни родные песни не отдам!

Чей бы край нам ни был интересен,
сколько б счастья ни лилось окрест —
нет любимей наших русских песен,
нет роднее подмосковных мест.

2 августа 1949

* * *

В памяти надолго остаётся
сторона, что чем-то нам светла.
Спрашиваю в письмах, как живётся?
Что там за погода? Как дела?

Там, наверное, прибрежный ветер
под напевный звон ласкает рожь.
И такие зори на рассвете,
да и вечерами — не уснёшь!

Я ведь помню, даже часто вижу
розовые шапки на горе,
первый луч и хуторские крыши
в утреннем холодном серебре.

Помню — вольной свежестью залива
дышат сосны в вековой тоске.
Помню — волн полночные наплывы
с мутными следами на песке.

Прелестей пейзажных просто сотни.
Даже что-то искренне ценя,
мне не описать все те красоты —
не моё всё это для меня!

СО СТРАНИЦ «ПРАВДЫ»

Раскрой газету на второй странице
и под аншлагом имени и дат
прочти стихи того, кем Русь гордится,
чей каждый слог для поколений свят.

И гимны Ариона декабристам,
и спор за жизнь родного языка,
и отповедь заморским колонистам,
и дерзкий вызов злым клеветникам,

и гневный голос вещего пророка,
и гордое послание в Сибирь,
и Греция, пленённая до срока —
какой размах ума, какая ширь!

Давно истлели царские обломки.
Давно Россия вспряла ото сна.
В анналы славы занесли потомки
такие дорогие имена.

Не сладкий сон стихами навевая,
не слов узором изумляя ум —
он сквозь века дорогу пробивает
накалом чувств и напряженьем дум.

И мы — солдаты огненной эпохи,
в такую даль идущие сквозь дым,
берём его, как можем взять немногих,
надёжнейшим союзником своим.

И с тех полос, что ложь в штыки встречают,
где наша правда кровная жива,
с особой, с новой силой зазвучали,
с десятикратно большей, чем вначале,
его призывно-жгучие слова.

И как бы каждый несказанно рад был,
когда бы он, оставив пьедестал,
с простой трибуны
со страницы «Правды»
свои стихи векам перечитал!

Пусть слово в слово наизусть хранится,
пусть в каждом доме милый томик есть —
но этих строк на этой вот странице
нельзя, никак нельзя не перечесть.

6 июня 1949

Навстречу годам и годинам идти нам,
то вместе, то врозь — не впервой!
Но даже вразброс мы повсюду едины
с магнитом России — Москвой.

И это единство, на клятвы скупое,
но верное долгу во всём,
как старое знамя, взметнём над судьбою,
как песню, сквозь жизнь пронесём.

И в доме родном,
и в скитаньях неближних,
какая б вокруг ни лежала земля,
мы будем
в сердцах наших собственных слышать
клокочущий голос Кремля.

1949-50

НОЧЬ В ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ

Тьма, как лазутчик, подползла к заставе.
Приникли тени к каждому кусту.
И часовые строго по уставу
бросают властный оклик в темноту.

Но только эхо им ответит где-то...
Да лязгом стали вызвонит вода,
да небо, как сигнальная ракета,
распорет вдруг падучая звезда.

Опять, как вспышки выстрелов, зарницы...
Далёкий гром, почти что как стрельба...
Да, нам с тобой придётся породниться,
суровая солдатская судьба!

Мы наши жизни
подчиним приказам.
Раз наш черёд — познаем до конца
и зной, который лихорадит разум,
и стужу, леденящую сердца!

Нелёгкий путь нам веком предначертан.
Но чтобы мне суметь его пройти —
твои слегка помятые конверты
как талисман удачи на груди.

1950

АРМЕЙСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Гвардии капитану Верескуну

Придёт пора — вернёмся снова
к конспектам, книгам...

А пока

нам помогает только слово —
простая речь совсем простого
армейского большевика.

Он не твердил нам о святынях.
Без громких фраз и без прикрас
он говорил о дисциплине,
о людях, о войне, о нас.

Тревогами солдат тревожась,
в наш братский круг войдя едва,
как зёрна, щедрые на всхожесть,
бросал он страстные слова.

Запав в сердца толковым людям,
они обильно прорастут.
И самым благодарным будет
его большой, партийный труд!

И в дни, когда случится снова,
что будет ноша нелегка,
мы вспомним боевое слово —
простую речь
совсем простого
армейского большевика.

1950

* * *

Д. В. Кузнецову

Ветер, гарью в лицо нам дунувший,
выжег детский пушок у щёк.
Шли на фронт безусые юноши,
не познавших жизнь ещё.

Сколько каждый из нас увидел
бед людских и крутых невзгод!
Сколько тонких белёсых нитей
впутал в волосы горький год.

Сколько раз приснились потом нам
развороты ревущих туч,
в лоб расстрелянные понтоны,
вплавь и вброд перейдённый Збруч.

И проснёшься и то — взглядеться:
схватка в темени блиндажа,
дикий ужас в глазах у немца,
тусклый взмах острия ножа.

Как пробитый холодным потом,
отряхнёшь виденья на миг,
и встают наяву заботы
недочитанной грудой книг.

И усталость опять нависнет,
и сомнения, как назло,
и читаешь, и ищешь мысли
в непонятных обрывках слов.

Но опустятся руки едва лишь,
лишь покажется жизнь трудней,
как на память придёт товарищ,
не дождавшийся майских дней.

Он закату упал навстречу,
а под вечер была взята
та, на картах ничем
не меченная,
та далёкая высота.

А апрель размывал обочины,
и бурлила вокруг весна.
Через месяц была окончена
опостылевшая война.

И упавших в дыму атаки
каждый в сердце своём унёс.
И махали нам вслед словаки,
и словачки слепли от слёз.

Сколько там осталось на память
звёзд, осыпавших каждый шлях.
Золотыми литыми снопами
обелиски стоят на полях.

Часто свежие над Моравой
на могилах лежат венки.
И на то их святое право,
не вернувшихся с той реки.

И опустятся руки едва лишь
да покажется жизнь трудней —
вновь на помощь придёт товарищ,
не доживший до этих дней!

1951

ПЕРЕД АТАКОЙ

Ночью никто не спит.
Каждому бой знаком.
Кто-то пишет тайком:
«Если буду убит,
считайте большевиком».

Сказано, ровно в пять.
Ждут будто сто часов.
Ждут без ненужных слов.
Трудно так долго ждать
властный ракетный зов.

Можно на взрытый снег
навзничь упасть потом,
можно не встать — не грех!
Лишь бы — один за всех!
Лишь бы — за отчий дом!

Всем домой не прийти.
Бой и кровь впереди.
Выживших душит грусть
Встань и спрячь на груди
«Если я не вернусь...»

.....

Этих срезал металл.
Тот — у дзота упал.
Нам их дела вершить!
В гуще ветров и книг
нам продолжать за них.
Нам изучать тома.
Нам возводить дома.
Нам приказала жить
Родина-мать сама.

1949

ИСПАНСКОМУ ДРУГУ

Едва ли мне больше десятка известно
из слов твоего языка.

Я понял тебя по знакомому жесту —
упрямый кулак у виска.

И общий язык мы искали недолго.
И раньше испанский и русский мешали
Рубен Ибаррури, убитый у Волги,
и дравшийся на Гвадарраме волжанин.

Ещё не забыты бывшие обиды,
и требуют жертвы сурового мщения.
Руины Толедо и камни Мадрида
давно уже ждут твоего возвращения.

Я мог бы забыть о Гренаде, влюблённый
в разливы пшеницы да в рокот станков.
Но нет — не линяют на наших знамёнах
наплывы от крови твоих земляков.

Я мог быть доволен: Россия — большая!
И солнцем, и ветром, и песней богата.
И, может, единственно, что мне мешает,
так это невзгоды испанского брата!

Покуда в застенках твои камарадас,
пока каудильо над ними глумится,
мне тоже сдаётся,
что радость не в радость,
мне тяжело до боли, мне ночью не спится.

И просится сердце в кастильские горы,
где тают костры на тревожных привалах,
и лишь автоматы ведут разговоры —
к надёжным ребятам, к ребятам бывалым.

Так пусть же знамёна взметнутся,
как пламя.

Мы тоже испанские песни поём.
Мы стяги Мадрида храним под чехлами.
Мы ваших друзей на поверку зовём.

А их — миллионы, простых и безвестных.
Несхожи, как лица, у них языки.
Но ты их узнаешь по твёрдому жесту
приподнятой в братском салюте руки.

1950

БЕЗРАБОТНЫЙ

Здесь — не Бродвей. Во тьму укутан плотно
весь пригород. И лишь стоит, как встарь,
по сути дела тоже безработный —
сутулый с тёмной головой фонарь.

А ты броди, продрогший и голодный,
по улицам, а ты ищи опять
какую поуютней подворотню,
чтоб эту ночь хоть как-то переспать.

Отобран кров и заработок отнят.
Что ж, тут и беззаконие — закон!
На кой он чёрт таким же безработным,
бездомным и безденежным, как он?

Но память вновь отыщет нить событий,
и повторится всё в полубреду:
арест двух негров-грузчиков, и митинг,
и стачка солидарности в порту.

Потом расчёт и никуда не деться.
Он — в чёрном списке (всюду: «не берём!»).
День — в поисках работы. Ночь — в соседстве
с давно погасшим старым фонарём.

Поможет ли ему чужая жалость?
А он и понял жизнь, попав сюда.
Теперь ему понятно, что случилось —
болтались на верёвках господа.

И пусть трясёт горячка сквозь дремоту.
Что ж! Он живуч, он дьявольски упрям —
он не подохнет, он найдёт работу
себе и этим старым фонарям.

1951

ПРОФЕССОР

Весь зал шумит, как городское вече.
Колокола? Да нет, гудят звонки.
Вновь на традиционный вечер встречи
собрались здесь его ученики.

По всей Земле судьба их разбросала.
Наверно, нет и сотой доли тут.
Ушедшие из актового зала
нескоро вновь увидят институт!

Заполнивший всю жизнь свою огромной
заботой их духовного отца,
профессор некоторых даже помнил
по именам, по чёрточкам лица.

Восьмой десяток... Что ему осталось?
Уже давным-давно в его жильё
вселилась несговорчивая старость
и по ночам бубнит ему своё.

Про то, что он не так уж крепок вовсе,
про то, что и сутул, и сед, как лунь,
про то, что миновала даже осень,
а он, чудак, всё думает — июнь!

А сердце, будто рана ножевая,
заноет вдруг, зайдётся под рукой,
жена давно его увещевает
забросить всё, податься на покой...

Но как уйти? Ведь он прожить не сможет
без дела радостного своего,
без этих глаз, без этой молодежи,
восторженно глядящей на него.

И лекционный курс им пригодится,
и семинары принесут плоды...
Так пусть творят, какую-то частицу
его души внося в свои труды!..

Незнамо сколько лекций безупречно
прочёл профессор на своём веку.
Но вдруг на юбилее красноречье
внезапно отказало старику.

И если б только в эту вот минуту
хотя бы пару слов он мог связать,
хотелось бы родному институту,
выпускникам и всей стране сказать,
что будет сам учить и сам учиться
и не отложит в сторону пера,
покуда порох есть в пороховницах,
покуда жив, пока судьба щедра!..

Тому, кто думает не лишь о ближних,
в ком голос чести так и не умолк,
забота о грядущем не излишня —
пожизненно неисчерпаем долг!

1951

СТИХИ О МГИМО

Вновь весна. И солнце в полной силе,
и такая в небе синева,
что совсем невольно подступили
к сердцу сокровенные слова.

Наш МГИМО...

Тут всё вокруг знакомо.
Мы к тебе приходим неспроста —
ты нам стал вторым родимым домом,
как и дом у Крымского моста.

Из его дверей, таких знакомых,
старшие товарищи ушли,
повинуясь солнечным законам,
выправлять движение Земли.

Одари и нас своей наукой,
радостью, усердьем и теплом.
Опыт и умение нам порукой,
а не только знания и диплом.

Не одну придётся встретить трудность,
не одну невзгоду пережить.
В этих стенах начинала юность
искренне и преданно дружить.

Научи и нас такой науке,
силы братской верностью утрой,
чтобы всюду помнить друг о друге —
даже под счастливую звездой!

Научи одним биением биться
со своим народом, чтобы впредь
и самую жизнью не скупиться —
не чадить, а яростно гореть!

Научи же нас такой науке,
так отдаться делу повели,
чтоб не ведали покоя руки,
а глаза закрыться не могли.

Будут зной и стужа, ливни, вьюги,
путь то скользок, то не в меру крут.
Научи же нас большой науке —
жить, служа народу, Институт!

1952

* * *

Жили — нельзя проще:
койка да ворох книг.
Завтрак — один. Общий:
порция на двоих.

А из продуктов разных
были у нас давно:
мясо — только на праздник,
рыба — лишь в домино!

Чувствуешь, как шатает,
двигаешься едва.
Грузная, как литая,
кружится голова.

Жили учёбой — главным! —
с теми, кто заодно.
Правда, и по деньгам нам
было не до кино.

Честные и прямые,
мы не привыкли ныть...
Как не любили мы их,
всяких умевших жить!

Всем, поумнее ставшим,
в жизни не всё равно!
Жаль, что в зачётках наших
это не зачтено.

Сессии сдали просто.
Поняли за пять лет:
в нашем МГИМО упорство —
самый крутой предмет!

Годы прошли толково.
Дружба — крепким узлом!
Взяли много другого,
что не вошло в диплом.

В НАШУ ЗАЧЁТКУ

Говорят, раз мы МГИМО окончили,
то с пелёнок дипломатов корчили.
Мы же в МИД пришли,
как в первый класс —
жизнь потом доучивала нас.

Ах, МГИМО! Ласкает душу звук.
Храм наук! Абстрактнейших наук!
Профессура только время тратила,
не поднатаскав нас в бюрократии.

Погонять бы всех то вверх, то вниз —
ведь бумаге ходу нет без виз!
Подучить бы нас держанью вилки,
да и осушению бутылки.

Отсылая всех к родимой матери,
военрук учил нас дипломатии.
За ничтожнейший проступок вздрючены,
ремеслу проделок не обучены,

мы одни — без блага, без родни —
оказались всё-таки годны!
Сверх МГИМО, мы целый век окончили,
МИД и мир познали без прикрас.
Нам такое прочили-пророчили,
но остались мы чернорабочими
(жизнь ещё доучивает нас).

Времена не чересчур прекрасные
судьбы наши — общую и разные —
бросят в дебри века непролазные.

Сколько виноватых без вины
у разодранной в клочки страны!

Столько войн, так щедро льётся кровь,
что кощунство — в рифму брать «любовь».

У одних — несметно, тыщи тыщ,
а народ от тыщ свободен — нищ!

Не за то ль потомки (да и предки)
влепят нам нелестные отметки?

Выдюжить бы нам хотя б зачёт!
Жаль, что время нас уже сечёт.

Но не ждите — не уймёмся сами мы!
И не скиснем, мерзости терпя.

В эти годы нет страшной экзамена,
чем проверка самого себя.

И хотя мы вовсе не геологи,
как песчинки, мы друг другу дороги.

Жить, дружить, и вкалывать, и рыпаться —
порознь нам никак нельзя рассыпаться!

Не герои мы, а те, которые,
тянут воз... А, может, повезёт:

злая привередница — история
между строк нам выставит «зачёт»?!

* * *

К 70-летию С.В. Лаврова

Об этом предки Ваши вряд ли грезили.
Легко ль вот так — из дома взмыть в зенит?
Как дорог нам Всемирный день поэзии,
но он пока не столько знаменит!

А дипломатия, столь многоликая,
листая годы, пишет на века.
Как та бесспорно самая великая —
скупая стихотворная строка!

21 марта 2020

ВЕСНА В МОСКВЕ

В полночь над оградами —
ветер ледяной.
И тот поёт и радуется
раннюю весной.

В тонком льдистом никеле
до сплошной зари
матовыми бликами
стынут фонари.

Ночью стужа тужится
в свой черёд, а вот
день придёт — по лужицам
солнце поплывёт.

Снег пытался заново
всё укрыть, но, глядь, —
к полудню проглянула
асфальтовая гладь.

Тает в каждом скверике,
тает там и тут.
Льдины по Москве-реке,
громоздятся, плывут.

С каждой крыши льёт теперь.
льёт со всех сторон.
Вот тебе и оттепель,
капельный перезвон!

1950

ПИСЬМО ДЕДА

Мне снится дом в пяти шагах от леса
и через луг бегущая тропа.

А дед мне пишет: «Экий ты повеса!
Куда же ты, негодный, запропал?»

Считай — ведь ты у нас в деревне
не был
годков, пожалуй, пять, а то и шесть.
А тут по всей округе вволю хлеба,
и молоко, и мёд, и сало есть.

Теперь уже и яблоки поспели,
и груши сочные в саду висят.
Да вот беда — соседские пострелы
давно спалили дедов самосад.

И спасу нет ни за какой оградой!
Для них ведь и милиция — не власть.
Так приезжай-ка! Старика порадуй,
да и старуха тоже извелась.

А пуще всех утешь свою зазнобу.
Уж ты меня за это извини.
Вот так дела. Ты всё-таки попробуй
недельки этак на две загляни».

КАРПАТЫ

Горизонты вокруг горбаты —
горы выщербили небеса.
Ах, Карпаты, мои Карпаты,
серебристые, как роса.

Горы-долы, как в древней сказке,
в просветлённой оптике рам.
Не вмещает разные краски
мой цветной-расцветной экран.

Утром в нашем купе резонно
безраздельно царит краса.
Перемазанные озоном,
отдают в синеву леса.

От подскока температуры
краска стала совсем густой.
Как забытая арматура,
проржавел в лесу сухостой.

Птички белые из фарфора
все столбы облепили тут.
Даже жаль, что, видимо, скоро
завершится этот маршрут.

Переплясом колёс и рельсов
что ж ты раньше не дорожил?
Слушай ритмы да чаем грейся,
незадачливый пассажир!

Впечатлений целые ворохи
не уместятся в рюкзаке.
Ах, Карпаты, вы тем и дороги,
что дорога пошла к Москве.

ВЕСНА НА ОКЕ

Тянет вешней свежестью под утро.
Небосклон в рассветной дымке сиз.
Приглядишь — покажется, как будто
мир весной раздвинут вширь и ввысь.

Посмотри вокруг себя да вспомни
вспашку зяби, жатву в том году.
Как за зиму край наш подмосковный
весь истосковался по труду!

Зябь рыхлят. Подкармливают озимь.
Людно в поле с самого утра.
С первых дней апреля для колхозов
наступила жаркая пора.

Заливая поймы и затоны,
волоча, как баржи, облака,
к Куйбышеву, к Сталинграду, к Дону
рвётся полноводная Ока.

А окрест раскинула просторы
соками набухшая земля.
И летит над нею гул моторов,
молодым задором веселя.

Снова над машиной бригадира
вымпел загорается с утра.
И с гудками паровых буксиров
старый спор заводят трактора.

Борозда гудит под лемехами.
И от ветра трудовой весны,
от её горячего дыханья
трактористам ворота тесны.

Нараспашку, рукава по локоть,
копоть да веснушки на лице...
(а уже отсюда недалёко
посевная — где-то на Донце).

И едва-едва приняв крещение,
пашет новичок восьмой гектар.
И румянец первого смущенья
прячется под свеженький загар.

И уже, как будто будни эти
воплощая в бронзе на века,
тщательно обтачивает ветер
скулы, лоб и ноздри паренька.

...Прояснится даль. И будет можно,
если очень пристально взглянуть,
увидать щетинистые пожни
и обоз с зерном, готовый в путь.

1951

САД ПОД ЗЕМЛЕЙ

Не лесным ароматом,
рощ настоем густым —
пахнет здесь сыроватым
духом необжитым.

Но повсюду колонны
шириною в сажень!
На аллеях перронов —
цветники витражей.

В кроне люстры ветвистой
и в дневные часы
блеск на бронзовых листьях,
как от капель росы.

А всего лишь тем летом,
год с немногим назад
был строительством этот
«Ботанический сад».

На огромных глубинах
люди, знавшие цель,
сквозь песчаник и глины
пробивали тоннель.

И у шахтного входа
велся ревностный счёт
кубометрам породы
и бетоноработ.

И в соседстве с бетоном
в толщах мёрзлой земли
вдруг большие бутоны
ярких ламп расцвели.

Так из бронзы и камня
сад растили вчера
золотыми руками
славных дел мастера,

чтобы сказкою дивной
стал у всех на виду,
чтобы высился гимном
воле, миру, труду.

Разве труд из-под палки
в отдалённой стране
может — тяжкий и жалкий —
с этим стать наравне?

Льдом апатии скован,
чьим-то гнётом зажат,
клад уменья людского
там почти не почат.

Только мы, отдавая
высшей цели труды.
В дни свершений бываем
по-хозяйски горды

не шедевром кустарным,
что сработан хитро,
а громадами зданий
и величием метро,

нивой, в августе тучной,
ГЭС, вступившею в строй, —
мирной,
сильной,
растущей
и цветущей страной!

1952

ВОЗМУЖАНИЕ

Ю. А. Гагарину

Человек — в бескрайней шири мира!
Замерли небесные тела.
Мать-Земля, не ты ль его вскормила,
разум, душу, плоть ему дала?!

Что же в радости тебя тревожит?
Иль во тьме веков, пока он рос,
ни о чём подобном ты, быть может,
никогда не думала всерьёз?

Добывал огонь, сумел одеться,
примерял суда, как башмаки —
а тебе он так и был младенцем,
делающим первые шаги...

Начал строить жизнь
по умным книжкам,
устремил ракеты в вышину —
а тебе казался всё мальчишкой,
из рогатки целящим в Луну...

В материнской радости и муке
ты светилась вся от блеска слёз.
Только о возможности разлуки
догадаться раньше не пришлось.

Мир вокруг безмолвен и бездушен.
Мрак царит на дне голубизны.
Там ни белых облаков-подушек,
ни зелёных одеял лесных...

И когда стремглав навстречу риску
сын твой

к звёздам, ввысь
рванулся вдруг,
с тягостною болью материнской
выпускала ты его из рук.

Ветер пел и бил в ладоши шало,
громоздил, ликуя, голоса.
Ты заметила — как возмужал он,
человек, за эти два часа?!

Пусть дерзает, чтоб от счастья пелось!
В битвах и на гребнях баррикад
век за веком обретал он зрелость,
как присягу молодой солдат.

Пусть он озарит тебя улыбкой
и опять — в кабину корабля...
Сын к тебе вернулся на побывку.
В бой благослови его, Земля!

12 апреля 1962

* * *

Друзья про чудо нам твердят восторженно.
На чудо ропщут битые враги.
А нам ни спесь, ни робость не положены.
Друг, не бахвалься! Враг, поменьше лги!

Мы знаем, что какой ценою добыто:
сибиряки в дублёнках под Москвой...
Безвестный Королёв корпел над опытом...
И кто ещё не жертвовал собой?

Мы — работяги. Вовсе не от водки
один осунулся, другой зачах.
Мы всю страну — от Крыма до Чукотки —
поближе к солнцу тащим на плечах.

Как выдюжить нам, силы взять откуда?
Паёк блокадный. Каждый срок — в обрез!
Кто б тут отказываться стал от чуда?
Но в том и соль, что в мире нет чудес.

В расход пускали. Громогласно спорили.
Был просто вождь. И был — всему отец.
Крутая, знала всё наша история,
но ни малейших, ни на грош чудес!

Ноябрь 1967

* * *

И в зной, и в стужу ледяную
я, улетаю в край иной,
мучительно тебя ревную
ко всем оставшимся с тобой.

За всё и вся, за вечер звёздный,
за день прозрачно-голубой,
за воздух душный иль морозный,
вдыхаемый сейчас тобой.

За свет твоих широких окон,
за серебристый голос твой,
за право от тебя о многом
услышать первым и впервой,

за всё, к чему ты хоть причастна,
за каждое мгновенье дня,
за то, чем ты живёшь всечасно,
вдали оставшись без меня...

Мне ночью никогда не поздно —
хотя давно пора бы лечь —
ловить впотьмах в эфире звёздном
твою обыденную речь.

Потом придётся, — как ни сетуй! —
курьеров с почтой торопя,
копить по письмам да газетам
скупые вести про тебя.

Да тормошить едва прибывших,
да провожая, слать привет,
как будто я тебя не вижу
не двадцать дней, а двадцать лет.

Да ликовать, когда до слуха
дойдёт твоя живая речь...
Но чем свинцовее разлука,
тем светозарней радость встреч!

Я счастлив,
что в разъездах дальних
могу, волненья не тая,
робеть при мысли о свиданьях
и всё же знать, что ты — моя!

Явись мне вновь и вновь исторгни
все восклицанья торжества!
Тебе — мой стих, мой лепет вздорный,
тебе — раздумья и восторги,
моя любовь — моя Москва.

Сан-Хосе, 1972

* * *

То фиалетов, то оранжев
туман в дороге на Орли.
Париж пьянит и будоражит,
а мне лететь на край земли.

Едва ползём по автобану.
В цветастом молоке стекло.
Да разве только
даль туманом —
мне всю судьбу заволокло!

Нам не пророчили успеха,
но мы и тут пройдем вперёд.
Туман для взлёта не помеха,
а нам как раз и нужен взлёт.
Включить форсаж
и взмыть с разбега,
на дыбу вздёрнув самолёт!

Пронзить неведомые дали,
как этот колдовской туман.
Ведь мы не раз перелетали
и в непогоду океан!

И, притяжение осилив,
сам заклинал себя не раз:
мы всюду за тебя, Россия,
а ты за нас! А ты — за нас!

Кто не из робкого десятка,
тот нас наверняка поймёт:
бесспорно, всем нужна посадка,
но вот сейчас важнее взлёт.

Москва-Париж-Сан-Хосе, январь 1972

АНГОЛА

Ты думал цветы здесь, ан — голо!
Тут всё потравила война.
Отсюда и слово — Ангола,
больная враждою страна.

Атлантика в скорби поблекла.
От горя пожухли сады.
Под крышей,
прожжённой от пекла,
ни света, ни капли воды.

Ветра, как жестокая банда,
порвали твои паруса.
Луанда, Луанда, Луанда...
Померкла бывая краса.

Веками, как совесть, Россия
скликает туда, где беда.
Просили тебя — не просили,
раз надо, ты сразу — сюда.

Чернявым мальчишкам-калекам
словам доверяться твоим.
Ты всё: и учитель, и лекарь,
и сам ты не знаешь, кто им!

Вдоль рыжей дороги разбитой,
где слева и справа кресты,
ты — будто в дуэли с УНИТой —
опять поднимаешь мосты.

Ищи здесь дорогу иную —
едва ли пройдёшь по прямой.
Не всякий тут мину минут,
не каждый вернётся домой.

До Родины — тыщи да тыщи...
Там кличут тебя журавли.
А кто и когда тут отыщет
останки? Быть может, твои?

Игра — до кровавого гола!
Кружит над страной воронья.
Суровая школа — Ангола,
но надо закончить её!

Ты должен во мраке полночном
рассвет дотащить за спиной...
Как хочешь —

ты должен помочь им
покончить с проклятой войной!

Конечно, Ангола не сразу,
не вдруг обретёт благодать.
Но будет Луанда алмазом
в созвездиях южных сверкать.

Тебе этих дней не увидеть.
Но, зримо впечатав следы
в Лубанго, в Капанде, в Кабинде,
вернёшься на Родину ты.

И скажешь тогда об Анголе:
«Богатая солнцем страна!
По доле — близка нам до боли.
Да Родина всё же одна!»

Луанда, 1989

«ГОНКА МИРА»

Прячась по ущельям и лощинам,
вертолёт скользил, как стрекоза.
В дьявольском проломе за Лачином
белизна нам застила глаза.

Жмёмся вниз,
чтоб нас не посадили,
скажем, на «Иглу» или «Стрелу».
И ликуй: не чёрную схватили —
яркую, сверкающую мглу!

А со всех сторон — горячий камень.
Понапрасну наш пилот искал
крошечный просвет под облаками
или щель меж кровожадных скал.

Но когда без шансов на спасенье
все оцепенели, не дыша,
вырвалась,
как солнце в день осенний,
глыбой белокаменной Шуша!

«Гонка мира» неподвластна планам:
дни — навывлет, ночи — напролёт.
Кручи обвивают нас туманом.
В пропасть приглашает гололёд.

А не то приветит хлётским залпом
та или другая сторона.
И твоей окажется внезапно
их междоусобная война.

Не витийствуйте потом на тризне —
всё мы сами знали наперёд.
Как сберечь былинки наших жизней,
если счёт на тысячи идёт?!

Ереван — Степанакерт, 1992-93

* * *

Я пил Швейцарию глазами.
Давил в себе вопросов тьму.
Она — как тягостный экзамен
мне и народу моему.

Чем больше пил,
тем пуще жаждал.
Соизмерял издалека.
Но всё-таки мыслишкой каждой
с Россией остаюсь пока.

С её природою увечной
и жизнью — будто за чертой!
И с вековой, нечеловечной
её духовной маятой.

А ты, хоть нищенствуй,
хоть царствуй,
хоть переكرасься впопыхах,
русак, попавший тут впросак,
кого-кого, а уж швейцарца
не выйдет из тебя никак!

Монтрё, апрель 1993

* * *

Как недолго в полях белизна!
Дальше вроде весна напророчена...
Скоро будет светло допоздна.
День длинней!

Только век всё короче нам!

А другим и весна не красна...
Годы что ли унынья подбросили?
Только чем виновата она
в скоротечности лета и осени?

День и ночь ты не ставил ни в грош.
Ты проматывал жизнь, будто премию.
Но потом, спохватившись, поймёшь:
ничего нет бесценнее времени!

А оно всё быстрее да шустрее.
Дали б время,
и вмиг подобрили б мы!
Так зачем же уже с ноябрёй
опрометчиво
бредим апрелями?

Март 2008

* * *

Вам и памятник ещё не слит.

В. Маяковский

Как этот образ нам сохранить?
Чем передать в века?
Слишком хрупок грубый гранит.
Бронза — слишком мягка.

Ветром взъерошен отросший чуб.
И тридцати не дашь.
Время не старит его ничуть —
лишь умножает стаж.

Сам он с приподнятой головой
рваться вперёд привык.
Помнишь, на Одере он, живой,
сидя под башней броневой,
цепи пехоты прикрыв собой,
в бой вводил живых.

Многих его громовая речь
сразу бросает в дрожь.
Видишь, он ростом и ширью плеч
с домом высотным схож.

Он почитает живую явь,
будто родную мать.
Вот и попробуй его заставь
глыбой немой стоять!

Он же почти что всегда в пути.
В нём не иссякла прыть.
Как же тут верную позу найти,
правильный жест схватить?

Этот неистовый человек
сам продолжает жить.
Даже не замечает тех,
кто рибежал творить.

Радостью высвечен изнутри,
внемлющий, чуткий, зрячий,
ходит по городу.

Стой! Смотри!
Вон он в толпе маячит!

РАЗДУМЬЯ

А мне ещё одна весна подарена!
А в ней не только купол голубой
да в снежных корках свежие проталины...
Тут — День Победы!

Тут — полёт Гагарина!
Восторгом жизни полон день любой!

И вот воспоминанья старины
на фоне юности и той страны.

Дитя войны, ты рос не красной девицей.
Тебя взрастила одиночка-мать.
Не всем давалось верить и надеяться.
Не всем везло от дел отца отделаться,
и, стиснув боль, удары принимать.

МГИМО и МИД. И вдруг тебе даны
верительные грамоты страны!

Ты разные эпохи перепробовал.
Свобода человека — вечный зуд!
Но не молился ты на США с Европою.
Сумбур Хрущева.

Проблески Андропова.
В финале — поединок двух иуд.

И вот вам — на развалинах страны
резвятся атаманы-пацаны.
А ты стал виноватым без вины,
продрогшим в ожидании весны.

Век был суров. Но всё же ты простишь его
за пыль надежд да суету тревог.
Ты отгостил в нём, как у друга ближнего!
Не требуй от себя чего-то лишнего,
но всё ли сделал, что хотел и мог?

2009

* * *

Тщета — нахапать деньги лишние!
Сыт и одет — и все дела!
В том и мечта моя давнишняя —
с тех пор, как мама родила.

Ведь доходили и до точки мы.
Напряг немислимый — война.
А матерями-одиночками
Россия издавна полна.

Не так легко мальчишку вытянуть.
Нам помогала вся родня.
А мать не в офицерском кителе —
в науках видела меня.

Прости, что не сумел обрадовать.
Мешал футбол, друзья, стихи...
Потом доучивался — надо ведь
замаливать свои грехи.

Не мог я, даже ради матери,
парить в науках, как орёл.
По лабиринтам дипломатии
на ощупь сослепу побрёл.

А тут свои каноны с древности...
Наперекор богам войны,
открыл совсем иные ценности,
значимые для всей страны.

Любой ценою смака жаждут
лишь жулики да наглецы.
А честным людям буква каждая
дороже всяких круглых цифр.

И не к деньгам дышу неровно я.
Купюра — самый пошлый стяг.
Ведь на Руси нужда духовная
издревле выше всяких благ.

28 декабря 2013

* * *

Смерть смерти рознь! Я сам её боюсь.
Но при расстреле, вышагнув из строя,
на мушке у врага поют герои,
и по-свинячьи взвизгивает трус.

В бою, где пули хлещут с разных точек
и сразу всех подряд сражают влёт,
смерть так скупа, что никаких отсрочек
для изложения кредо не даёт.

Поэтому спеши, пока не гибнем,
пока ты зряч, подвижен и здоров,
чтоб стала жизнь сама,
как клич призывный,
тогда и смерть красноречивей слов.

МЫ ЗА МИР

«Мы за мир», сказал когда-то кто-то.
Но — из здравомыслящих людей.
Умирать и вправду не охота.
Жаждет убиений лишь злодей.

Был бы мир, и ничего не надо мне.
Мир куда приятнее без войн!
Не пора ль порадовать парадными?
Но к чему воинственный трезвон?!

Человек пошёл на все лишения,
сбился с правоверного пути,
лишь бы в части средств уничтожения
всех животных мира превзойти.

Расползлась дурная эта мания,
разум вместе с совестью глуша.
То трясла оружием Германия,
то трясут трясущиеся США.

Не проходит это. И не лечится.
Сто веков между добром и злом!
Самоистребленье человечества
станет скоро просто ремеслом.

Уж не знаю, долго ли протянем мы?
Согласитесь хоть в одном со мной:
стыдно перед инопланетянами
за твои безумья, люд земной!

* * *

Жизнь конечна. Но ещё не кончена.
Огорчает, что всего одна.
Ну, а если чем-то укорочена,
то ещё дороже стать должна.

Только раз, но каждому подарена!
Ты же должен подарить другим.
А иначе совесть будет ранена.
Зов потомства свят, как будто гимн!

Дарят жизнь зачатием и родами,
но дитя, как правило, одно...
При войне, терзающей невзгодами,
сделай, что не всякому дано:
осади вражду между народами —
сколько жизней будет спасено!

Несмотря на беды и лишения,
чудом примиренья овладей!
Обладая даром притяжения,
умножай достойные свершения —
ничего нет выше сбережения
самой главной ценности — людей!

2015

НАРОДУ СВОЕМУ

Никогда твой отпор и не мог быть напрасен
тем, кто лихо рискнул на Россию напасть.
Нет в истории мира страниц столь контрастных.
А война — это горе и смертная страсть.

Русь не часто с побед начинала сраженья,
отступала, терпела, а враг ликовал.
А судьба, не спеша, принимала решенья,
что нападшим несли несомненный провал.

Оказавшись в войне, и не смей отбиваться
и надеяться лишь на победу потом.
Под Москвой, под Берлином умели ж сражаться,
защищая страну, как свой собственный дом.

Наши люди, коль надо стране или дому,
даже если невмочь, не откажут помочь.
Если что-то не так, то достичь перелома,
если боль невтерпёж — превозмочь!

Пусть века, как и прежде, несут перемены
и всё реже приходят крутые года.
Но дыханье Победы, запавшее в гены,
не покинет потомков твоих никогда!

2015

* * *

Стержень негибачаемый — Россия!
Преуспевшие в иных делах
столько раз себя превозносили
и стереть её с земли грозили,
а в итоге ждал их полный крах!

На Руси традиции живучи.
А, коснись, ещё сгодятся впредь.
Мы же им твердим на всякий случай:
в русском просто нет глаголов круче,
чем, собрав все силы, ОДОЛЕТЬ!

* * *

От Каширы — сотня до столицы.
Там однажды с братьями втроём
повидали мы тех самых «фрицев» —
не на фото, а ещё живём.

А в Москве потом застал бомбёжки.
Пал на Серпуховке весь квартал.
Ели всё — от хлеба до картошки.
Так и я учиться жизни стал.

А в Сибири мой отец (когда-то!)
отсидел свой пятилетний срок.
И уже как рядовой штрафбата
с фронта ногу еле уволок.

Не отыщешь ни семьи, ни дома,
где война не правила б сполна...
Только слишком юным не знакома
та не раз проклятая война...

За улыбкой выжившего деда
скомкан ужас тех кромешных дней...
Всем, кто миру в самом деле предан,
тем и дорога наша Победа,
что народ сумел пробиться к ней.

Февраль 2020

* * *

Зачем галдеть о Родине часами?
Клич за неё бесценен на войне!
Но не кричит о ней кто делом занят.
Она же нам и учинит экзамен —
ты долгу верен или трескотне?

Да, многим Родина дороже жизни.
Народ и Родина — родни родней!
Жаль, что не всем... Но чем страна светлей,
тем нетерпимей, даже ненавистней
тебе любая нескладуха в ней.

* * *

Нас война взрастила, безотцовщина.

Мать спасла. Россия!

Рос и я.

У меня с ней всё навеки общее.

Разница — лишь в сроках бытия.

В ТУ ЭПОХУ

С ИМЕНЕМ ВОЖДЯ

Землю
шквалом огненным
качало.
Все надежды
были на него.
Это имя
миру означало
нашу славу,
честь
и торжество.

...Схваченные ночью палачами
раз за весь допрос — начистоту —
между пыток
гордо отвечали,
сплюнув кровью:
«Сталин — на посту!»

И у края жизни
боль осилив,
к виселице
твёрдо подходя,
пересохшим ртом
произносили
имена
Отчизны и вождя.

...В огненном кольце
ряды редели.
Прижимал к земле
свинцовый дождь.
Говорят,
в простреленной шинели
шёл в цепи
и звал на подвиг
вождь.

А когда пехота залегала
где попало —
в топах и в пыли,
только это имя
помогало
снова оторваться
от земли!

Вслед затем
в жестокой круговерти
отделённый,
подымая взвод,
шёл на смерть
и штурмом брал
бессмертье —
самую крутую из высот!

Русский штык
ярмо фашизма скинул.
Но по-прежнему,
как в дни войны,
радости и чаянья людские
в этом имени
воплощены.

Обойди
все страны и народы —
ты опять
знакомые слова.
Им нигде
не надо перевода:
это —
Ленин,
Сталин
и Москва.

Побывай в Париже,
в Пакистане,
выслушай измученный Эпир —
люди всех наречий
слово «Сталин»
понимают,
как надежда,
мир.

Честным людям
нужен мир,
как воздух.
Неслучайно всюду и везде
обращают взор
к кремлёвским звёздам,
к сталинской
немеркнувшей звезде.

В дни, когда —
один бросок до цели,
неуклонно двигаясь вперёд,
как всегда,
по сталинской шинели
партия
равнение берёт.

Неспроста ведь
тех,
кто в гуле строек
делом славит
наш свободный труд,
и поэт, и зодчий, и историк
сталинскую гвардией
зовут.

Весь простой народ
стремится к свету.
Встань, собрат,
оковы ночи сбрось!
Видишь,
над разбуженной планетой
утро коммунизма
занялось.

Посмотри,
как в сталинские сроки,
где весь край
в руинах и золе,
вырастают
сталинские стройки
на спасённой
Сталиным земле.

От успеха
к новому успеху,
трудности сменяя,
мы идём
по широким
пятилетним вехам,
далеко
проставленным вождём.

Это новый день.
Он нами начат.
Свет рубинов
разрывает тьму.
И за все
победы и удачи
мы давно
обязаны ему.

Пусть ещё грозят нам —
не впервые —
нашу правду
удушить в дыму,
Мы, его солдаты рядовые,
присягаем в верности
ему.

И входя в века,
в легенды, в эпос,
крови,
жизней наших не щадя,
мы клянёмся взять любую крепость
с именем великого вождя.

Это новый день.
Он нами начат.
Светом звёзд мы рвём земную тьму.
И за все победы и удачи
вся страна обязана
ему.

1949

Всё своим чередом: детство, лагеря, школа...
А потом — годы бед и побед.
А потом... А потом — коллектив комсомола.
Аттестат. Институт. Партбилет.

Той поры не забыть.

Прежним песням не молкнуть.

Пусть они ещё звонче звучат!

Так мы начали жизнь.

И не будет обмолвкой,
если скажем, что так и хотели начать.

Мой ровесник и друг!

Нашу юность промчало.

Пусть вселяется зрелость в груди!

Мы опять говорим: «Это только начало.

Настоящая жизнь — впереди!»

1950

ТВОЁ СЛОВО

Всё произошло в одно мгновенье.
У ворот, где каменные львы,
пожилой австриец, житель Вены,
встретил делегата из Москвы.

По костюму ль скромного покроя,
по тому ль, как твёрдо тот шагал,
по глазам ли молодым, с искрою,
он в прохожем русского узнал.

Нерушимо веря в мир и братство,
он растроган встречей был до слёз,
и, не зная как по-русски «здравствуй!»,
«Сталин! Сталин!» — с чувством произнёс.

И как будто по сигналу, резко
люди оборачивались вдруг.
Венцы и участники конгресса
моментально сгрудились вокруг.

И который раз сегодня за день
осаждён ликующей толпой,
ты стоишь, не зная, как сказать им
о переживаемом тобой!

Этим людям в души влить хотели
о твоей Отчизне уйму лжи.

Что же ты там медлишь,

в самом деле?

Слово правды про неё скажи.

Песни счастья, шум садов в пустыне,
сон малютки в утренней тиши,
радости и чаянья людские
в это слово светлое вложи.

И, ободрив их своим участием,
сам, хлебнувший лиха через край,
мира, независимости, счастья
и святой свободы пожелай!

Знай — тебя поймут без перевода,
если скажешь ты, врагам назло,
самое знакомое народам,
самое весомое из слов.

И в толпе на венской магистрали
чистым сердцем, любящим гореть,
и сухими, жаркими устами
повтори им это слово — «Сталин!
Сталин! Сталин!» — старику ответь.

1952

В ЛАТЫШСКОМ КОЛХОЗЕ

Была пора весенняя
особенно свежа:
запахана, засеяна
последняя, столетняя
проклятая межа.

И больше нет под окнами
протянутой руки,
да в памяти далёкими
остались батраки.

И нет нужды хозяину
поклоны бить, как встарь —
у государства взяли мы
рабочий инвентарь.

Где ж те клочки лоскутные —
убогая земля?
От хутора до хутора —
обильные поля.

И вот в поля колхозные —
бодра и горяча —
пришла пора покосная,
комбайном грохоча.

И в пору полуночную,
когда земля спала,
всегда имелись срочные
для наших рук дела.

Но всё же не устали мы,
и радость — в сотнях глаз:
ведь скоро рапорт Сталину,
а, может, — и указ...

А там — не руки за спину,
а чтоб не быть стыду
на той сельскохозяйственной,
что в будущем году.

Чтоб, осмотрев попристальной,
сказал с улыбкой он:
«А лучший всё ж на выставке
латвийский павильон!»

1949

БОГАТЫРЬ

Когда-то в зимний полдень возле Вятки
играла лихо детвора в снежки.
Худой оборвыш — в самом пекле схватки,
и от него спасаясь, без оглядки,
укутанные, не поднять руки,
бегут — кто в дом, кто к няньке — барчуки.

Он был отмечен силой легендарной,
как все сыны народа и земли.
И ражие, матёрые жандармы
легко скрутить подростка не могли.

Зимою в Томске вой метели дикий
да шёпот вслед: «Поберегись, сынок!»
И он петлял по улицам, а шпики
сбивались с толку, со следов и с ног.

Десятилетия промчались наспех.
Сменилась дважды власть,
чему он рад.
К тому же сам успел, как говорят,
Сибирь объездить, и Кавказ, и Каспий.
Семь лет назад возглавил Ленинград.

Всегда, не угасая и не искря,
свет ровно бился из его окна.
Высоким напряженьем большевистским
вся жизнь его была накалена.

А завтра надо — значит в блокноте —
к путиловцам наведаться в цеха
и доложить активу о работе
по новым указаниям ЦК.
(И уйма мелких дел на обороте
исписанного бисером листка).

Перелистав бумаги со стола,
решил пойти поторопить дела.
Шёл коридором, коренаст, но жилист...
А в нём такая силища была,
что смерть открыто подойти страшилась
и подло стерегла из-за угла.

ДОЛГ И ДРУЗЬЯ

НА ПОРОГЕ

Прощай, мой дом — моё шальное детство!
Балуй других, а мне уже пора.
Я отгостил в босяцком малолетстве
совсем недавно, чуть ли не вчера.

Ещё вчера, пострел неугомонный,
покая матери я не берёг.
Мне всё хотелось убежать из дома,
украдкой прошмыгнув через порог.

Меня звала бродяжная тревога.
Всегда в кармане заячий билет.
А за порогом — пыльная дорога,
а за порогом — не отыщешь след...

Летели шестидневки и недели.
Но в тот же день я приползал назад.
А двери, как назло, всегда скрипели,
и я стыдливо опускал глаза...

Но годы шли и обрезали сроки:
всё детство — позади. Да только вот
упрямая романтика дороги
опять моих ровесников зовёт!

Мы ей верны, хотя взрослей и строже
становимся теперь из года в год.
Ведь мы хотим, чтоб жизнь была похожа
на трудный подвиг, на большой поход.

Войной перевоспитанные в детстве,
мы дерзкие мечты свои таим.
Не я один — единым строем, вместе
выходят в жизнь ровесники мои.

Нам даль годов видна уже с порога.
За горизонтом ярко брызжет свет.
А за порогом — вечная тревога.
И труд. И бой... Другой дороги нет.

1948

* * *

Интересно с друзьями детства
годы в памяти воскрешать,
у открытых сердец согреться,
дымом прошлого подышать.

Стоит только назад взглядеться —
снова вижу сквозь толщу лет:
шумно бегают наше детство
по росистой траве чуть свет.

Вижу вновь, как ломаем хворост,
разжигаем костры в ночном,
балагурим, смеясь и ссорясь,
а потом бороться начнём.

Мяч тряпичный гоняем вдоль улиц.
В небе — яркий бумажный змей.
Жадно смотрим, от солнца щурясь,
виражи чужих голубей.

Перемажемся гарью чёрной,
по сараям с саблей бродя,
или дразним смешных девчонок,
до горячих слёз доводя.

Где ты, детство, не побывало!
Как мне хочется вместе с тобой
вглубь пахучего сеновала
закопаться вновь с головой!..

Ты шумишь где-то близко-близко...
Ты вовсю баламутишь пруд
и плескаешься так, что брызги
нашу молодость обдают!

Интересно с друзьями детства
годы в памяти воскрешать,
у открытых сердец согреться,
дымом прошлого подышать.

1949

* * *

Б. Д. Кузьминову
К. М. Славнову

Дороги, дороги... Глухая округа
и песня, летящая в ночь.
Какими словами напутствовать друга?
Каким откровеньем помочь?

Мы вместе учились и выросли вместе,
и были друг другу верны.
Нахлынули думы о доме, о детстве,
о болях проклятой войны.

Как общее счастье большое-большое
мы дружбу свою берегли.
Ни девичьи письма, ни солнце чужое
её разорвать не могли.

Ведь всё пополам —
от мальчишеских ссадин
до нового чувства в груди.
Какие б дороги ни таяли сзади,
другие зовут впереди!

И чтобы работать не ради монеты,
ни сил, ни себя не щадя,
мы верность заветам скрепили билетом
с простым силуэтом вождя.

Не надо нам помощи слов неуклюжих.
Нам вместе казнить и жить.
Мы верно дружили. Дружили, как дружим.
А дружим, как будем дружить.

Нас вечным единством
спаяли невзгоды,
прощальным словам вопреки.
И темень качнулась у грани восхода,
и утром пахнуло с реки.

Попрятались тени, и мрак перепуган...
Тревоги и горести — прочь!
Дороги, дороги... И молодость друга.
И песня, разящая ночь.

1948

СОСНА

Вдали от звонколистого прибоа
совсем одна
стоит-грустит сосна.
И всюду воля...
А на что ей воля?
Поди спроси — ей воля не красна!

Вот так и я стою-грущу...
А мне бы
уйти к друзьям,
в кипенье буден жить,
и песни петь,
и славить это небо —
бесценен дар быть вместе
и дружить.

1949

У ПЕРВОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Анна Ивановна!

Вы ведь не помните.

Да и вспомните —

как поверить?

Незнакомый юноша

в Вашей комнате.

Вот вошёл

и стоит у двери.

Анна Ивановна!

Нет, не узнаете.

Сколько мне было?

Да только восемь.

Нет, не вспомните.

Не вспоминайте

вовсе!

Годы тенью

прошли над нами.

Не вернуть, не поймать —

как птицы.

Мы тогда уезжали к маме,

и я к Вам прибежал проститься.

Те минуты

во мне остались.

Вот они —

за туманом слёз.

Будто Вы

ничуть не состарились.

Будто я
 совсем не подросток.
Помню, когда я
 (халатик с заплатками)
тронул
 вот эту дверь —
честное слово! —
 Вы заплакали,
так же,
 как я теперь...
Первых уроков
 и перемен
памятна
 самая малая малость.
Помните —
 ну, никак не давалось
мне
 прописное «Н».
Перья скрипели,
 тетрадь царапали.
И пестрели пальцы —
 от клякс.
И сопел,
 выводя каракули,
первый класс.
Несмышлёныши!
 Как теперь мне
ясно это —
 что с нами ведь
материнское долготерпение
надо было иметь!

Раз уж Ваших питомцев
хвалят,
то, наверное, мы не зря
с Вашей помощью постигали
мудрости букваря.
...Перочистки носил я,
ластики.
Был довольно смешно одет.
Я ушёл тогда
первоклассником,
а вернулся —
уже студент...
Где осталось
детство вихрастое,
где отстало? —
Не услежу!
Я, мечтавший
о красном галстуке,
комсомольский значок ношу.
И спокойней,
и строже стали.
Понимаем теперь:
не зря
мы с ровесниками
постигали
мудрости букваря.

Вот теперь уж
 с друзьями давними
широко
 разошлись пути.
К Вам,
 как к матери,
 как к наставнику,
мне хотелось всегда
 прийти.
Может, в этом немало странного?
Что ж из этого?
 Ну и пусть!
Извините,
 Анна Ивановна,
за сумбур моих слов и чувств!

1949

* * *

Мне этот косный мир взорвать бы разом,
испелить всё пакостное в нём,
а не ржаветь вот так, немым фугасом,
пока я сплошь страстями начинён.

Во мне тротил гремучей силы собран.
Так почему же стынет слов металл?
Кем обезврежен я? Нет — «обездобрен»!
Кто выкрал мою юность, мой запал?

Зелёный пламень трав поднялся круто,
а мой огонь всё прееет, не почат.
Но вдруг и мне почудится, как будто
стучат часы взрывателя.

Стучат!

И слышатся разрывы. Блиско-блиско!
И будоражат песней огневой...
Дай мне займы всего крупицу искры!
Тепло и свет — я всё верну с лихвой.

* * *

В калейдоскопе, в суете событий
трудом ты жил и даже в чём-то рос.
Крупницы пользы людям... Чтоб добыть их,
ты всё отдашь, ты весь пойдёшь в разнос.

А сам себя пытаешь обречённо —
змеится червь сомнений в складках лба:
небесполезной иль совсем никчёмной
вдруг обернётся вся твоя судьба?

В наш век со справедливостью — не очень.
Но знай одно, стена и скрипя:
зачтётся всё, что для живых и прочих,
но в минус то, что только для себя.

И если день сегодня праздно прожит,
ты зря считаешь это пустяком.
Ведь завтра так внезапно подытожит
всё, что ты сделал людям.
Целиком.

* * *

Умереть хочу я мигом —
был и не был!
Ни погоста, ни поминок —
дымом в небо.

Умереть хочу я быстро.
Не в постели.
Коротка ты, жизнь,
как выстрел
мимо цели.

Умереть хочу я просто.
Позже ль — раньше ль.
А в некрологах, как в тостах,
много фальши.

Хорошо б родня не ныла,
не галдела.
Только б сыну-другу было
что доделать!

Умереть хочу я просто —
был и не был!
Ни поминок, ни погоста —
дымом в небо.

ДРУЗЬЯМ

Жизнь друзей да и свою листаю я.
Как же нам чертовски повезло
встретиться в потёмках мироздания
ошалевшей вечности назло!

В бесконечности такой огромной,
в дебрях континентов да веков
разминуться — это ж просто норма!
Затеряться — пара пустяков!

Каждое знакомство, будто искорка.
Ну, а дружба — самый яркий знак.
Звёздное свечение, воистину
прорезающее всякий мрак!

Не пора ль счастливо удалиться мне?!
Дружбы дар — ценнейший в мире клад!
Голосами вашими да лицами —
чем ещё был этот мир богат?!

А пока звоните и пишите мне.
Не бросайте — нет судьбы страшней!
Жутко стать последним должителем
в темени кромешной — без друзей.

25 июня 2001

ДРУЗЬЯ НЕ УХОДЯТ

В. Н. Келину

Друзья не уходят. Они остаются без спроса.
Они неразлучны с тобой — даже смерти назло!
У всех катафалков скрипуче стенают колёса.
И жизнь начинает казаться дурным ремеслом.

Друзей не вербуют, но всё воздаётся сторицей.
А дружба мужская не требует клятв и порук.
Не знаю, как часто там истина в спорах рождается,
но именно в спорах рождается надёжнейший друг.

Друзей не скликают. Они появляются тотчас.
Как будто всё знали. Себя и других торопя.
Без всяких звонков и запросов. Без рангов и отчеств.
Не ведая даже, что тем поднимают тебя.

Друзей не хоронят. Они остаются как совесть.
Не им ли она и обязана тем, что жива?
Под взглядом друзей коченеешь,
нагой и босой весь —
они не услышат твоих оправданий слова.

Ты, может быть, что-то другое потом не припомнишь.
Но взоры умолкших друзей — как наказания от них...
Друзья не уходят — бросаются молча на помощь!
Чтоб выручить тех, кто в беде — кто остался в живых.

ДОБРИНКА

Прожить бы жизнью сто! А что особого?
Но будь сыта и крохой, голытьба!
Единовременная, как пособие,
дана — и то не каждому — судьба.

Да к ней в придачу,
как тоска извечная,
дарована обманщица-мечта:
мол, жизнь твоя, такая скоротечная,
ещё не та, ещё совсем не та!

Мол, каждая из грёз твоих могла бы
стать былью и ещё одной судьбой.
Но поздно!

Липы тянут в окна лапы
уж не тебе, а тем, кто за тобой.

Что, уходя, оставишь ты на свете?
Пяток деревьев. Да нескладный дом.
Да два упоминания в газете.
Да груду дел, что вечно —
«на потом»...

Но искорка добра должна остаться!
Щедра, как сон, и трепетна, как дрожь,
пойдёт добринка по сердцам метаться,
и ты в тепле улыбок оживёшь.

* * *

А. В. и И. П. Дмитриевым

Я с годами стал сентиментальней.
На восьмой десяток перелез.
Потянуло в жар исповедальный.
Вновь пахнуло ветром странствий дальних.
Ностальгия! Времени — в обрез!

Впопыхах прокручиваю ленту.
Сладковат воспоминаний дым.
Манят вновь другие континенты.
Жаждаем общенья, как студенты.
Липнем к поколениям иным.

Ах, как редко вспыхивают лица
заживо затерянных друзей!
Только мне от них нигде не скрыться
и ни в чём другом не позабыться —
вот и шарю по планете всей!

Утешают, что ещё не вечер.
Только не могу принять одно,
что на склоне жизни человеческой
вдруг какой-то мимолётной встрече
стать последней будет суждено.

Люди вдруг взмывают, будто птицы,
исчезая навсегда из глаз...
Праздно повторять, что время мчится!
Не волнуйтесь — я готов проститься.
Только бы обнять мне вас
хоть раз!

Гавана, 15 марта 2002

* * *

Себе любимому на 75

Ныне никакому поколению
продолженья жизни не найти.
Приведут к тому же закруглению
Самые инакие пути.

Кольца вьём в стволе, чтоб стать опорю.
Всё ещё торчим из-под земли.
Может быть, за счёт других, которые
не взошли иль рано полегли...

Нас и дождь хлестал, и солнце жарило.
Боль да хворь швыряли на кровать.
Хорошо, что я держал за правило
и при неудачах — ликовать!

Ну, допустим, ты — рогатей месяца.
Или сам казнишься, согрешив.
Всё вокруг черно — пора повеситься!
Жуть! А ты ликуй, покуда жив!

Будто вызов, неудача дразнит нас.
Кто там выдумал «пиши-пропал»?
Обрати своим упорством в празднества
грешный промах и любой провал!

Нам хвала безудержная злее,
чем хула, укор или упрёк.
Только кто не падок до елея,
может встать не вдоль, а поперёк.

Напрельстившись древними богинями,
осознали люди неспроста:
красота — не совершенство линии,
дух необоримый — красота!

Циник не заметит в этом разницы.
Нет, но всё же — малость погоди!
Дай дожить с достоинством.

И празднично,
в самом деле — празднично
уйти!

Так ли важно — завтра ли, сейчас ли?
Но не к месту будут в этот час
скорбный тон да постное участие...
Да поймите ж, я безмерно счастлив —
повидал и белый свет, и вас!

12 августа 2004

ПОКАМЕСТ

В час Новогодья ликуя,
знать бы нам всё наперёд:
что утаил и какую
участь несёт этот год?

Вот и неведом пока мне
срок неизбывной беды —
цифры, что выбьют на камне
после короткой черты.

Ах, до чего ж коротка ты,
жизнь! И за 70 лет!
(Вчетверо меньше — солдатам,
коих давно уже нет!)

Рад долголетию женщин.
С ними уже — всей душой.
Цифр остаётся всё меньше —
выбор совсем небольшой.

В радостях жизни плескаясь,
чудом держусь на плаву.
Счастлив взахлёб, но покамест
сам не пойму, чем живу?

Ладно б спасался зарядкой,
знал в гастрономии толк...
Тешусь крамольной догадкой:
ключ к выживанию — долг!

Именно долг, а не должность,
стол или даже престол.
Должность тут просто ничтожность.
Код долголетия — долг!

Стало проклятьем — я должен!
Дерзкий зарок мужиков.
Шанс расплатиться ничтожен.
Как же уйти без долгов?

Весь я в долгах и подолгу.
Слишком у многих в долгу.
Вот и ропщу втихомолку:
«Даже уйти не могу!»

21 января 2007

ПРИ ВХОДЕ В ВАД — ЕЩЁ НЕ В АД

Пустуют траурные доски,
прижавшись к мраморной стене.
Кому-то повезло чертовски!
А почему кому-то?
Мне!

Конечно, мне.
Не в радость это —
читать на стенке про друзей.
Хотя им тут хвала пропета
неслыханная в жизни всей!

Пропишут будни трудовые —
кем был ты на своём веку.
Кадровики и те — впервые
грехи не ставят тут в строку.

К чему расписывать их, ибо
все знают — как там ни таи —
свои оплошки, перегибы,
крутые промахи свои!

Коль так — и я, забросив ямбы,
подамся в лучшее из царств.
И мне пропишут дифирамбы
целительнее всех лекарств!

Усопши, прочь отрину робость.
И — на Смоленку! Как живой.
Да разверну при входе пропуск,
чтоб не рехнулся постовой.

А на доске прощаний снова
чины, награды да дела...
И только о тебе ни слова,
кто родила,
кто подняла!

* * *

Постой, одумайся, вернись.
Не громозди коллизий новых.
И помни — на дороге вниз
не так уж много остановок!

Когда запутаешься сплошь,
и горький опыт будет нажит,
ты сам опомнишься, поймёшь
да тормоза тебе откажут!

* * *

Ни вежи в глуши, ни просвета.
Твой путь и не прост, и тяжёл.
Одумайся, путник! Ты где-то
не тою дорогой пошёл.

Тропа увела тебя в заросль,
где в редких кустах сухостой.
Твоя ли звезда показалась
тебе путеводной звездой?

По лесу тропинки пробиты,
куда-то заводят людей.
Чем дальше на этом пути ты,
тем дальше от цели своей.

* * *

Вроде не лентяй и не бездельник...
Но на то ли распылил свой пыл?
Я же и родился в понедельник,
будто на работу вызван был.

Правда, тяжело иногда бывало
И не всё свершилось у меня.
Может, просто пыла было мало?..
Пыл — как пыль, а нужен жар огня!

Столько лет на службе пролетело!
От безделья сроду не скучал.
Только будто
 свора недоделок
то и дело зло и оголтело
сны мои кромсает по ночам.

2015

АВТОБИОГРАФИЯ

Я рос при матери. Бывает проще ли?
Не потому-ль священно ценят кров
сородичи мои по безотцовщине?
Евгений Примаков... Сергей Лавров...

Отец не вести — только слух подбрасывал,
не отсидев 5 лет, пошёл на фронт.
В анкетах мне дела его контрастные
совсем не тот сулили горизонт.

Ровесники мои едва ли грезили,
таких удач не вычитать из книг —
с футболом да студенческой поэзией
я как-то в дипломатию проник.

А службе этой, как счастливой карте, рад!
Ведь повидал немало на Руси,
чуть позже и Фиделя, даже Картера,
совсем не на экранах, а вблизи.

Копился опыт, что дороже золота.
И, может, что-то даже я постиг,
в Кремле внимая, как Хрущёв и Молотов
про Сталина толкуют при других.

Мне повезло: судьба моя украшена
(сам не раскрасишь, как там ни радей)
послом Андроповым и Лёвой Яшиным,
улыбками достойнейших людей.

Но радуясь, что... многие не видели,
а тот, кто ведал, позабыл уже,
что был я полномочным представителем
того, кто мне совсем не по душе.

Своей профессией нам не утешиться,
пока весь глобус порохом пропах...
Россия всюду укрощает бешенство:
то Сирия, то дважды Карабах!

От русофобий Запад весь в истерике
навяжет всем каприз из-за кулис.
Об оба берега трясёт Америку.
А силу молча набирает БРИКС.

Привычку к войнам — не пора ль сломать её,
психо-риторику отбросить прочь?!
Ведь мир народам свят, как хрестоматия!
А нам, романтикам от дипломатии,
кто пожелает, может и помочь!

* * *

Оправдания мои убоги.
Каюсь, но не будьте слишком строги —
затянулось житие моё.

Размышляю, да простят мне боги:
Жизнь прошла, а где её итоги?
Так ли ты посмел прожить её?

Торопись теперь, ломая сроки.
Превращая в цех жильё своё.
В некрологе подобьют итоги.
Только всё же не спеши в дороге
из небытия — в небытиё.

Май 2018

* * *

Жизнь превратна. Это ж небылица,
будто в радость — дел невпроворот?!
Кто бы не мечтал освободиться
от засилья тягостных забот?!

А теперь ошеломит кого-то
то, что службу чту, как вещей знак,
и не расстаюсь с любой работой —
наяву и во служебных снах!

ПРО АВТОРОВ ПЕСЕН

Песня — для озябших душ обитель!
Ничего радушной песен нет.
Но всегда известней исполнитель,
а не композитор, не поэт.

Впрочем, даже и у нас в народе
не узнает чья-то голова,
кто же вывел на волну мелодий
эти сокровенные слова?

А певцы умеют быть жестоки —
утаят от зала не впервой,
кто же подарил им эти строки —
добрый слог и стержень смысловой?

Выворачивают душу песни,
то ласкают, то терзают хор!
Авторы нередко и безвестны,
но слова их с нами до сих пор!

6 сентября 2018

* * *

Что-то мне в больницах не рифмуется.
Проза жизни душит всё подряд.
То ли дело — дома иль на улице
все созвучья дружно говорят!

И лихие рифмы мною порваны,
только слишком скучен белый стих...
Как избавиться от этой хвори мне?
Злей она намного всех других!

Волынка, 15 января 2017

* * *

Это стало часто, слишком часто!
Чаще, чем при нашей жизни всей.
Долголетие — не только счастье...
Разве в радость провожать друзей?!

Кратка жизнь любого человека.
Что ж немного утешает нас?
Правда ль, ты в жестоких дебрях века
многих выручил? А скольких спас?

* * *

Все мы здесь на срок, что нам неведом —
нет пока каких-то вечных тут.
Только упади ничком, как следом
за тебя итоги подведут.

Время вмиг сгорает, будто порох,
вовсе не резвиться учит нас.
Был когда-то каждый год мне дорог,
а теперь — бесценен каждый час!

29 августа 2020

* * *

Нам всегда своим упорством ценен
терпеливый молчаливый труд.
Тут не для восторженных рецензий —
просто людям славу воздают!

Много ль в жизни враз наверняка?
Будто чудо верховодит нами.
Так щепотка тощего дымка
щедро дарит вдруг сплошное пламя.

* * *

Никого среди школьных друзей не осталось,
с кем сроднились мы сызмала в годы войны.
Как беспомощна память! Как мелочна жалость!
Ни сигнала, ни отклика с их стороны...

Нет сегодня и тех, с кем работалось прежде
не в заморских краях, где сплошная весна,
а в погрязшем в крови и слезах Будапеште,
где лихих передраг мы схватили сполна.

Истоптал шесть десятков с лихвой в Министерстве.
А у многих и краток был путь, и тяжёл!
Мне неловко, что я уже дерзок, как в детстве:
все уходят, а этот... ещё не ушёл...

Все там будем, твердят знатоки, утешая.
Наказал меня рок, самых близких лишив.
Не с того ль моя жизнь вдруг такая большая?
Не за них ли живу, удивляясь, что жив?

Лет немало наскрёб, но, конечно, не вечен.
Не кресту поклоняюсь, а светлой звезде.
Как и многим, пока обольщаться мне нечем.
Но спасенье всегда — в молчаливом труде!

Даже завтрашний день вмиг окажется прошлым.
Если что-то узрел, поскорей воплоти!
А иначе ты зря на Земле этой прожил,
если тут ничего твоего не найти?

* * *

Кончились мои десятилетия.
Счёт пошёл от силы — на года.
Но дороже всех как раз последние —
ведь не повторятся никогда.

А с тоской не собираюсь встретиться
и у той, рубежной полосы.
Даже если счёт пойдёт на месяцы,
на недели, дни или часы.

Август 2014

СВОИ И ЧУЖИЕ

НА ПЕРЕМЕНКЕ

Мне тот миг поныне дорог.
Переменка. Вдруг смотрю:
светлым школьным коридором
ты заходишь в жизнь мою.

Солнцем утренним пронизан
твой в горошек синий ситчик.
На головке две капризных
оттопыренных косички.

Разом в гвалте школы будто
разразилась тишина...
В целом мире в ту минуту —
я один и ты одна!

Перед хрупкой недотрогой
баламут отпетый с виду...
Ты их помнишь? Жаль, что много
с той поры перезабыто.

Разве ты не вспоминала
вечера и вечеринки,
да поездки по каналу,
да прогулки по Ордынке?

Суток мало нам бывало.
Ко всему меня на свете —
то к футболу ревновала,
то к друзьям, то к стенгазете.

Не тогда ли, всё решая,
и пришла к нам, не унизясь,
задушевная большая
человеческая близость?

Каждый штрих и случай каждый
надо в памяти беречь нам,
потому, что юность наша
дорога нам бесконечно!

* * *

Улица, знакомая, как детство,
где теперь чужая бродит грусть...
Я ещё туда, как за наследством,
за воспоминаньями вернусь.

И, другою стороной шагая,
загляну в знакомое окно.
И, печалью сердце обжигая,
вспомню отошедшее давно.

И, себя сомненьем разуверив,
вновь заполнив душу морем чувств,
я в твои незапертые двери —
будто бы не зная — постучусь.

Ты, откинув шёлковые пряди,
в платье, как в сиреновом дыму,
на чужого гостя строго глядя,
равнодушно спросишь: «Вы к кому?»

Может быть, улыбки будет мало,
чтобы сразу дать себя узнать.
Может быть, придётся, чтоб узнала
мне себя по имени назвать...

Как нам знать —
чему придётся сбыться?
Что и как? Но разве в этом суть?!
Не глухое к чувствам любопытство —
я живую душу принесу!

Улица далёкая, как детство.
Там теперь чужая бродит грусть...
Я ещё туда, как за наследством,
за воспоминаньями вернусь.

1948

* * *

После всякой суеты и шума
прояснилась всё же голова.
Душат вновь мучительные думы.
На устах тяжёлые слова.

Что со мной?! Я, кажется, всё ниже
с равнодушьем редкостным качусь.
И с холодным безразличьем вижу,
как смирился ум с избытком чувств.

Сколько раз твердил я, что отныне
сердцу надо мною власти нет!
И опять шепчу чужое имя,
Вновь и вновь нарушен мой обет.

И опять бреду я, как незрячий,
слушаясь лишь чувственных удил.
Да и сердца прежний пыл горячий
в мимолётных встречах остудил.

Мне, как после горького запоя,
тяжкое похмелье суждено...
Но, и споря, и дружа с судьбою,
нерушимо верую в одно.

Не пора ль, терзанья подытожив,
сразу перейти к делам с утра,
чтобы завтра не было похожим
на моё никчёмное вчера.

1947-48

* * *

Не красней, меня случайно встретив,
и смущенно глаз не опускай.
Я уже забыл, как зимний ветер
локоном твоим меня ласкал.

Я забыл про чувственные мути,
и когда порой назад взгляну,
на ухабах юных перепутий
вижу многих — не тебя одну.

И тогда за пеленой тумана
будто прозреваю, и видны
совести мучительные раны,
лёгкие царапины вины.

Лишь с тобой
не знала совесть боли.
Даже сам не знаю — почему?
То ли по забывчивости, то ли
как-то притерпелся ко всему?

Не дави улыбку через силу
и при встрече глаз не отводи.
Не стыдись того, что раньше было —
мало ли что будет впереди.

Март 1948

* * *

Пусть воспоминанья душу теплят,
а тоской казнить ни к чему.
Стынут чувства в сероватом пепле.
Меркнут дни в сиреневом дыму.

 Ни волнением сжатое дыханье,
 ни касанье дрогнувшей руки...
 Я ушёл наперекор желанью
 и твоей гордыне вопреки.

Твёрдым взмахом вычеркнул из сердца —
ни вернуть, ни вспомнить, ни позвать!..
Вот и всё. И никуда не деться.
И вишнёвых губ не целовать.

 Пусть другие предаются петле —
 я дрожащих рук не подниму.
 Стынут чувства в сероватом пепле.
 Меркнут дни в сиреневом дыму.

Май 1948

* * *

Без упрёков, без горьких жалоб,
лишь ломая в волнение руки,
ночь глухая меня провожала
да щемящая боль разлуки.

Может быть, ты не так сказала?
Может, ты не того хотела?
Поздний поезд ушёл с вокзала
дробным стуком колёс и стрелок.

За окном замелькали вёрсты
огоньками невзрачных станций.
Неужели быть лишним гостем
лучше, чем навсегда расстаться?

Что-то в горле застряло комом.
Защемила тоска сквозная.
...Яркий свет. Перрон незнакомый.
Вышел в город, пути не зная.

Удивлял молчаливость улиц.
Будоражил подъезды зданий.
А потом до утра, ссутулясь,
продремал на своём чемодане.

Этот город и плащ холодный,
эту ночь и свои мученья
променял бы на что угодно!
Ни за что лишь — на возвращенье.

1948

* * *

Я не стою тебя ничуть.
Я — искатель случайных радостей.
Разве знаешь ты чей-нибудь
путь запутанней и ухабистей?

Дни сжигая в сплошном чаду,
сам себя приободрив песнями,
я не знаю, куда пойду —
так как будто бы интереснее!

Ни на шаг не взгляну вперёд —
пусть обрыв за тропой кремнистою,
пусть теченьем меня прибьёт,
может, к самой убогой пристани...

Утопая, как дождь, в грязи,
пьяной пеною губы выбелив,
буду звать лишь тебя: «Спаси!
Или вовсе толкни к погибели!»

1948

* * *

Веди меня — пойду в любую сторону,
и сам себе и всем наперекор.
Ведь я ж такой потерянный, которому
поможешь только дружеской рукой.

Порою так бывает мне невесело,
как будто жажду песен и вина,
но от запоя да от боли песенной
спасти сумеешь только ты одна.

Ведь ты придёшь —
хоть душу вон вытаскивай!
Я всё отдам, дружа с любой судьбой,
за милый взгляд,
приветливый и ласковый,
за пару слов, подаренных тобой.

1948

* * *

Серый сумрак фарами распорот.
Заметались тени у обочин...
До свиданья, мой любимый город,
спи спокойно, доброй ночи!

Впереди бегут по снегу пятна.
Грусть прокралась незаметно в грудь.
И поют задумчиво ребята
про разлуку, про неблизкий путь...

Мчись, машина, вихри поднимая,
по краям сугробы разбросав!
Пусть, как друга, песню обнимают
грубые мужские голоса.

Гаснут позади огни окраин.
Звёздный вечер проплывает мимо.
Тёплой грустью тихо сердце ранит
песня о единственно любимой...

Блики полны трепета и дрожи.
Притаились тени у обочин...
Пусть твой сон ничто не потревожит —
спи спокойно, доброй ночи!

1948

* * *

Не окупятся ничем мне
те сквозные ночи лета —
от пьянящих зорь вечерних
до росистого рассвета.

Я надеялся, я верил.
Будто шёпот, был мне дорог
из твоей прикрытой двери
каждый звук и каждый шорох.

Ждал, что ты из той калитки,
где я будто бы прикован,
выйдешь в шёлковой накидке
или в платье васильковом.

Или вдруг мелькнёт записка
в узких прорезях балкона...
Ты была такою близкой
и такою незнакомой!

Не окупятся ничем мне
те сквозные ночи лета —
от пьянящих зорь вечерних
до росистого рассвета.

1949

* * *

Я пишу тебе в первый раз —
всё былое уже не в счёт!
Видишь, к лучшему и для нас
всё меняется и течёт.

Сердцу верится — навсегда,
навсегда мы с тобой близки:
даже если плеснут года
белым инеем на виски.

Даже если из-под пера
неуклюжий сорвётся стих,
даже если придёт пора
вдалеке от тебя грустить.

Сколько дальше бы я прошёл,
сколько б вынес и перенёс,
чтобы тронуть лишь лёгкий шёлк
золотистых твоих волос!

Я мечтаю расцеловать
на запястьях разводы вен,
и щекою к щеке припасть,
и робеть у твоих колен.

Чтобы — вновь голова в огне,
чтобы — хмель из дрожащих губ,
чтобы ты намекнула мне,
если буду немного груб...

Не тумань своих добрых глаз.
Всё былое уже не в счёт.
Я пишу тебе в первый раз.
Сколько раз мне писать ещё!

1948

* * *

Если пулей, как тобой, пронизан,
я всплесну руками на бегу
иль сорвусь с высокого карниза,
или рухну навзничь на снегу,

если тело моё страшно хрустнет,
липкой кровью обагрив броню,
или, бросив голову на бруствер,
я из рук винтовку уроню —

пусть тогда бывшее канет в омут...
и, теряя в памяти меня,
ты отдай свою судьбу другому —
вышедшему целым из огня.

1948

ЗИМНИЕ НОЧИ

1.

Только полночь стрелки сдвинет —
нет ни места, ни покоя!
И узорит брови иней
опьянённому тобою.

Не сидится мне под крышей.
Натяну пальто на плечи —
может, всё-таки увижу,
ну, хотя б случайно встречу.

И хожу-брожу без толку.
Только девушек пугаю:
поспешу тебе вдогонку,
догоню — совсем другая!

Под ногами снег искрится.
Шум шагов — на всю страну,
словно вдруг вспорхнули птицы,
разрывая тишину.

И опять, тоскою мучась,
сам терзаюсь удивленно...
Неужели это участь
всех непонятых влюблённых?

...Вьюга снегом белопудрым
запорошит все пути.
Даже серенького утра
в белом вихре не найти.

На свету, на перекрёстке,
где скучают фонари,
снежной пылью вьются блёстки
до рассвета, до зари.

И ни шороха, ни скрипа —
только сон на мостовых,
только худенькая липа
разболталась с постовым.

Только я ту тишь тревожу.
Бормочу да щёки тру.
Только я один, быть может,
возвращаюсь по утру.

2.

Тихую нашу улицу
вьюжный укутал вечер.
Вправду ли или чудится:
ты мне идешь навстречу?

Ветер кружит порошею,
снег поднимает тучами...
Ты ли, моя хорошая,
песня моя певучая?!

Полночь шагами гулкими
грустно проходит мимо.
Тают над переулками
сизые струйки дыма.

То ли так сильно верится?
То ли мне просто чудится?
Пусть уж поёт метелица
только о том, что сбудется!

Где же рассветы дымные,
где же те зори ранние?
Где ж ты, моя любимая,
радость моя желанная?

Сонная рань над улицей
белою вьюгой стелется...
Больше уж мне не верится,
мне теперь только чудится.

3.

Под ногами чистый снег искрится.
Мы стоим, не отпуская рук.
— Не джентльмен я буду и не рыцарь.
Буду русский, настоящий друг.

1948-49

* * *

Ты опять такая необычная!
Ты сейчас особенно мила
с этим шарфом, в свитере коричневом,
столько сохраняющем тепла.

Ты невольно вынуждаешь щуриться,
чистотой сводящая с ума.
В душный дом ко мне ввалилась с улицы
озорная русская зима!

И опять я глажу серебристую,
инеем подёрнутую прядь.
И опять гляжу в глаза лучистые,
силясь что-то новое понять.

Ты же снова не упустишь случая
пожурить и потрепать рукой
эти щёки, жёсткие, колючие
и... прижаться собственной щекой!

Ты — моя отрада и прощение.
Если б ты всегда со мной была!
Милое живое воплощение
свежести, привета и тепла!

Ты, ещё ни разу не воспетая
даже самой маленькой из книг,
будь со мной! Я ни на что не сетую —
много ли нам надо на двоих?!

1949

* * *

Эта ночь первозданней всех.
Я ещё ничего не прожил.
Колет щёки сердитый снег
припоздавшим домой прохожим.

В дробном свете земная дрожь
отлетает к звенящим звёздам.
Как в такие часы уснёшь,
если мир будто только создан?

Утро жизни — как праздник наш.
Всё неожиданно, как откровенье.
Целый день, не скупясь, отдашь
за такое одно мгновенье.

50-е

НАДПИСЬ НА ТЕТРАДИ

Погасли зарницы, и звёзды притихли.
Лишь эхо сражений гудит.
Над нами, свиваясь в немислимом вихре,
тревожное время летит.

И кто нам грядущие годы предскажет?!
А мне бы — искриться да петь,
чтоб славить судьбу,
чтоб в строке моей каждой
звенела солдатская медь.

А грянет набат, клокоча и скликаая,
о многом придётся забыть...
Так, видно, нам выпала доля такая,
так, значит, нам вместе не жить...

Когда я впервой — и навек — успокоюсь,
и ты примиришься почти,
тетрадку стихов, как забытую повесть
о наших мечтах, перечти.

1949

* * *

Быть может, иное забудется снова,
но я не отдам никому
ту майскую полночь и запах сосновый,
и утро в холодном дыму.

Когда мы с тобою останемся двое,
в зелёных аллеях бродя,
мне чудится вновь: зашумели по хвое
тяжёлые капли дождя.

Порою мне снятся забытые дачи
и тени на старом крыльце,
и снова я слышу твой говор горячий
и вижу испуг на лице.

И если случится, что буду о том лишь,
что новые чувства в груди
да порознь идти —
мол, не по пути —
ты только скажи мне:
«А помнишь?..»

А дальше не надо. А дальше — ни слова.
А дальше я тотчас пойму.
Тревожная полночь. И запах сосновый.
И утро в холодном дыму.

2 августа 1949

* * *

Я покинул дом бродягою,
полный бодрости и сил.
Я ладони не протягивал
и ночлега не просил.

Даль звала меня суровая,
ароматом зорь пьяня.
И слова, и чувства новые
открывались для меня.

Вместе с песнями да с ветрами,
вместе с дрожью русских рос
думы самые заветные
на чужбину я унёс.

Но и там, под ветром выстояв,
в звёздах, в радуге, в росе
я нашел немало близкого
среднерусской полосе.

Как их звать чужими звёздами?
Ведь такие же у нас.
И горит рябина гроздьями
в ту же пору, в самый раз.

Потому вдали от родины
вспоминал я в поздний час
не рябину, не смородину —
кисти рук да гроздьё глаз.

Пусть они совсем не карие —
здесь другая сторона.
Ни Дуная, ни Болгарии —
хмуро плещется Двина.

Пусть иное в песне сказано
про иные берега.
Ты мне, радость сероглазая,
больше всякой дорога.

А ещё всего дороже мне —
даже если там не рай —
никогда душой не брошенный
твой и мой родимый край.

3 августа 1949

У МОРЯ

Светом и свежестью мир переполнен.
Весело. Бодро. Легко.
Петь бы нам песни теперь, да как вспомню:
ты далеко-далеко.

Лучшей мне доли на свете не надо —
только с тобой иль ни с кем.
Чтоб вот сейчас засмеялась ты рядом,
рядом легла б на песке!

Светится небо нежнейшей лазурью.
Солнца и ветра — взахлёб!
Взял бы тебя, озорную, босую,
взял да в охапку бы сгрёб!

Так, чтоб, улыбки ловя и бросая,
взгляда с тебя не свести,
чтобы, по-детски лукавя глазами,
шумно смеялась: «Пусти!..»

Так, чтобы юность без края плескалась
и никуда не ушла,
чтобы, других не стесняясь ни малость,
губы мои обожгла.

Пусть бы, по капле стекая, на теле
сохла морская вода,
пусть бы на солнце задорно блестели
два белоснежных ряда.

Я бы откинул намокшие пряди,
сам бы, прижавшись, намок,
я бы, в лицо твоё белое глядя,
слова промолвить не мог.

Просто бы не было сил наглядеться!
А уж потом без труда
так бы и нёс тебя — с самого детства
и без конца, навсегда!

Чтобы, шая и шутя, как с девчонкой,
только тебя и любя,
мог безбоязненно и безотчётно
верить тебе и в тебя.

Чтобы, в любые невзгоды бросаясь,
видеть тебя впереди,
чтобы хорошую, добрую зависть
люди носили в груди.

6 августа 1949

* * *

Зал, залитый светом ярко жёлтым,
лёгкая кокетливая прядь,
талия, охваченная шёлком,
грезятся влюблённому опять.

Ты мила мне как-то по-иному —
так, как есть, без всяких этих грёз:
в кофте, в туфельках на босу ногу,
с прозой поэтических волос.

Ну, и пусть не королевой с вида —
девушкой простою ты была.
Лидочка, моя родная Лида,
ты и так красива и мила!

Может быть, наряды и не лишни,
но не в этом дело. Всё равно —
губы, как раздавленные вишни,
опьянят, как сладкое вино!..

И не стан, волнующийся гибко,
что скорей бы многих привлекло —
снится мне одна твоя улыбка,
от которой попросту тепло!

* * *

О завтрашнем дне не гадая,
хочу лишь заверить, любя.
Да что ты! Родная! Чудная!
Куда я уйду от тебя?

Как все, по-земному тоскую —
без всяких знамений на лбу!
Откуда я знаю, какую
подбросит нам время судьбу?

Но всякую свято приемля,
заветами сердце крепя, —
поверишь? — не мыслю я землю,
не мыслю земли без тебя!

И пусть мне годами скитаться,
пешком исходить все пути —
мне также с тобой не расстаться,
как с этой земли не сойти.

Никто своей доли не знает...
Какую из всех предпочесть.
То манит глухая, лесная,
то равно, какая ни есть.

И в дивной судьбе, и в безвестной,
и горе, и радость деля,
ты будешь нужна мне, как песня,
как воздух, как та же земля.

1950

* * *

Брось ты спрашивать сама,
что идёт к лицу мне, мол?
Юбка — я сходил с ума.
Платье — обезумевал!

Не плоди себе забот
брошками-серёжками!
Знай, что всё тебе идёт,
если ты идёшь ко мне.

ПЕСЕНКА

Нет, не в угоду какой-нибудь ревности —
думы и чувства не те.
Просто я как-то подумал о верности,
лучшей твоей красоте.

Много на свете дано нам прекрасного
в жизни большой и простой.
Верность людская заслуженно названа
самой большой красотой.

Ты не сердись, что напомним я заново
правило нашей любви:
совесть свою никогда не обманывай,
чистой душой не криви.

Пой только мне о цветенье сиреневом,
мне только письма пиши.
Золото нашей любви не разменивай
ты на чужие гроши.

Клятва друг другу не на ветер брошена.
Давняя дружба — не грех.
Будь же по-прежнему самой хорошею,
самой красивой из всех.

1950

* * *

Если ты тоскуешь в разлуке,
то тогда поймёшь — почему
вдруг трястись начинают руки,
прикоснувшиеся к письму.

Я, обычно такой упрямый,
этой пытки не выношу.
Шлю безумные телеграммы.
Сумасшедшие письма пишу.

Ничего от тебя не скрою.
Никого мне дороже нет.
Может, только одной тобою
и живу уже столько лет!

Ты — мой идол, бог белолицый.
Все капризы твои терпя,
я готов на тебя молиться.
Лишь бы только верить в тебя!

* * *

Тот же самый сквер. Скамейки эти ж.
Думал: пропаду, если уедешь.

Ждал тот день, как страшную беду,
просто, думал, — места не найду!

Выжил кое-как. Нашёл! И вот
думаю как раз наоборот:

если ты в отъезде — всё в порядке!
Хуже, если ты играешь в прятки.

1951

* * *

Я вовсе не мечтаю стать поэтом.
Но жизнь сама поэзии полна.
Смотри и пой!
Ты именно мне в этом,
как поводыр незячему,
нужна.

* * *

Стал я письма писать пореже.
Говорю, не тая.
Чем смогу я тебя утешить,
дорогая моя?

Тем, кто всё понимает, разве
так уж нужен ответ?
Ты права — уже прежней ласки,
юной нежности нет.

Сколько дней пропитано горечью
вздорных, мелочных ссор!
Неужели нам надо всё ещё
продолжать разговор?

Я из сердца обиды выскребу,
протравлю себе кровь,
чтоб была безупречно искренней —
если будет — любовь.

* * *

Пусть на сердце глухая грусть,
пусть опять безысходный вечер...
Я не сдамся. И не вернусь.
И не выйду тебе навстречу.

Пусть, бывшие мечты круша,
накипает хмельная горечь...
Отчего же ещё в ушах
твой холодный звенящий голос?

Разве счастье не расколосось?
Или сделан неверный шаг?
Отчего же ещё в ушах
твой холодный звенящий голос?

Отчего же такая жалость
к теплоте уходящих дней?
Слишком много любви оказалось
на поверку в душе моей.

Отдал б всё, что ещё имею,
лишь бы вместе с тобой идти,
лишь бы руки сплести на шее
и по-детски просить: «Прости!»

...Не ходи, не гляди напрасно —
всё оставлено, всё равно:
навсегда для тебя угасло,
как и сердце, мое окно.

Я совсем не герой экрана.
И не так уж складно пишу.
Не по возрасту — слишком рано
грусть сосущую разношу.

Потому, знать, такая жалость
к теплоте уходящих дней —
слишком много любви оказалось
на поверку в душе моей.

27 февраля 1950

* * *

Может быть, когда душа прорвётся,
когда чувств рассудку не сдержать,
может быть, что мне тогда придётся
завещать тебе свою тетрадь.

Между строк, годами дум потёртых,
ты заметишь это без труда:
автор их, измученный, но гордый,
покидает близких навсегда.

Он любил сияющие зори,
только ждать не мог и не умел.
Много думал, тосковал и спорил.
Мало верил, радовался, пел.

Даже наспех пробежав страницы —
летопись моих нескладных дней,
думаю — тебе не усомниться
в полной непригодности моей.

* * *

Стою под вспышками,
смирять дрожь.
А мне: «Не слишком ли
ты много ждёшь?!»

И вдруг, как в оттепель,
капель со щёк:
«Ну что? Чего тебе?
Чего ещё?»

В любви, ей богу, мне
пока везёт!
Мне мало многого —
мне надо всё!

Ты вся мне явлена —
умри, ханжа!
Но мне, как дьяволу,
нужна душа.

Мне мало ласк твоих,
и рук, и плеч,
и фраз истасканных,
и этих встреч.

И боли, сдавленной
до мятежа —
мне, словно дьяволу,
нужна душа!

Без меры. Полностью.
Чтоб знать я мог
все тайны помыслов,
забот, тревог.

Так будь же вся моя,
как весь я твой —
открытой самою,
прямой-прямой!

Чтоб в дни тяжёлые
в ночной тиши
ловил я шорохи
твоей души.

Открыться б, высказать...
Но ты пока,
такая близкая,
так далека!

Ты где-то в скорби вся,
как наобум,
бредёшь и горбишься
под грузом дум.

В тоске непрошеной
ты горше всех.
Делиться ношею
совсем не грех!

Всё надо вынести
в пути крутом.
А радость близости
ещё не в том!

Не в тех объятиях,
что вспыхнут вдруг —
в простом пожатии
надёжных рук.

Не в той — беспамятной —
игре лица.
В сплетённых намертво
тугих сердцах!

Не в радость зрячему
удел слепца.
Зачем же начали
мы всё с конца?!

У всех превратностей
исход один:
в любви есть крайности,
но нет средин!

Она не ветрена
и не слепа:
щедра со щедрыми,
к скупым — скупа.

Ханжи и циники —
ничто пред ней.
Любовь — всеильная,
себя сильней!

Она нетленна. Ей
на смерть — плевать!
Ей всей вселенною
повелевать.

И если плохо нам,
она спасёт —
но вместо многого
отдай ей всё!

* * *

Помнишь — встретились мы с тобою:
август утро в туман укутал.
Я не знаю, какой судьбою
занесло меня в этот хутор.

Я не льстил и не звал отрадой —
ведь бывают такие встречи:
всё как надо, покуда рядом,
а простись — и ручаться нечем.

Будто не было то, что было.
Будто выронил то, что бросил.
Рыжим парусом вдаль уплыла
прибалтийская осень.

Шли недели. Минули годы.
В тот же край привела дорога.
Снова в сердце разгул свободы.
Снова грустно душе немного.

Скоро вёрсты мелькнут столбами,
свистнет ветер на поворотах.
Но не будем дарить на память
наши лица на глянце фото.

1949

* * *

Звёзды — даже в сонмах — бродят сирые.
Стены мироздания им тесны.
Что я тут ночами патрулирую?
Самые несбыточные сны.

Ту мечту, что мается, что мечется,
что скользит, обманщица, как дым.
То крадётся чутко, как разведчица,
то навстречу смерти — строевым!

Улица устала голоса толочь.
Я один шагаю, как ору.
Стрелки, запрокинутые полночь,
безнадёжно падают к утру.

К окнам дождь прилип
лицом заплаканным.
Как бы укротить мне эту дрожь...
Как я ждал вчера,
чтоб ты пришла ко мне!
А теперь боюсь — а вдруг придёшь?

3 мая 1969

* * *

Против ожидания
подошли не в срок
заморозки ранние —
тоненький ледок.

Стала песня грустною
тоже неспроста.
Словно льдинка, хрустнула
хрупкая мечта.

Росами простужено,
лето отошло.
Кто ещё был нужен нам,
коль вдвоём тепло?!

А теперь — никто тебе.
Сам ты — никому.
Будет даже в оттепель
зябко одному.

Пусть мороз уж лучше бы
драл, как сто чертей!
Холодок бездушия
лютых стуж лютей.

* * *

Всё кажется
(прости мне слог возвышенный),
что плыл я по теченью без забот,
но вдруг настигнут бурей был
и — вышвырнут!
Как обессиленный матрос,
за борт!

Любовь — как буря.
Налетит стремглав она!
Ты ей противоборствуешь —
но зря!

Уж раз она
в надёжных самых гаванях
морским гигантам
рубит якоря!

* * *

Покорился — сердцу не перечат.
Комкаю неразбериху дней.
Мог ли я при той случайной встрече
ждать свиданья с юностью моей?

С губ не сходит робкая улыбка.
Прячу взятые тебе цветы.
Неужели это вновь ошибка?
Молодость моя, ведь это ж ты?

Где ж плутала ты, скажи на милость?
С кем мечты делила, чем жила?
Отвечай, надолго ли явилась?
Как меня, забытого, нашла?

Это ж ты звала меня сквозь ветер,
сквозь сполохи буйного огня.
Как же так я сразу не заметил —
ты отбилась где-то от меня...

Шёл назад я, брёл по пепелищам,
шарил по лесам, бродил у скал.
Так в руинах мать дитя не ищет,
как тебя я, молодость, искал!

А теперь ты жизнь мою листаешь —
словно ищешь в чём мою вину..
Ты в глазах моих дрожишь и таешь,
я в твоих — беспомощно тону.

И стою — от счастья обалдель.
Безразлично, что там впереди.
Жги мне совесть, душу рань и тело,
презирай, казни, что хочешь делай —
только никогда не уходи!

* * *

Совершенство не знает предела.
Я б вернулся назад с полпути.
Я согласен всю жизнь переделать,
лишь бы вместе нам юность пройти.

Стань моим непоседливым гидом.
Протяни мне с улыбкой ладонь.
Проведи по тропинкам забытым.
Простотой и сердечностью тронь.

Вновь открой мне любую подробность
попыхающей в сердце зари.
Возврати мне и дерзость, и робость.
И восторженность вновь подари.

Новым смыслом наполни слова все.
Намекни, где от счастья ключи.
Обучи меня вновь целоваться.
Волноваться опять научи.

Ты — как ветер, который из тленья,
над золой вздымает огни.
Помоги мне найти обновленье.
Вдохновенье мне в душу вдохни.

* * *

Мне нравится, что ты чужда капризам,
и с кем угодно спорить я готов:
ты создана не для попутных бризов —
для встречных шквальных, штормовых ветров.

Оставь другим заботы о комфорте.
На улицах — сугробы, как стога.
Для нас, романтиков,
простой сквозняк из фортки
опасней, чем свирепая пурга.

Не степняки ль калёные, целуя,
оставили тебе вот этот шрам?
И ты не смейся, что опять гляжу я
в твое лицо, открытое ветрам.

Взапой, взahlёб, смеясь и торжествуя,
с блаженством старца, с трепетом юнца
бушующих ветров хмельные струи
я пью и пью из твоего лица.

Не одарил меня создатель щедро,
не если бы с резцом дружить пришлось,
я б сделал по тебе богиню ветра —
с пьянящей гривой взвившихся волос.

* * *

Пусть чиновная свора
 бесстрастность возводит в обычай,
пусть умеренный нрав у моих сослуживцев в чести —
я плохой дипломат
 и притворных придворных приличий
столько лет не могу научиться блюсти.

Все порывы души пожирает тупое довольство.
Постны лики матёрых кликуш и ханжей.
Как смешон, кто сберёт это милое детское свойство —
говорить напрямик, а влюбляться —
 так в раз до ушей!

Ты боишься, что я упиваюсь тобой всё сильнее,
что лавину не сдержишь гнилыми подпорками лжи.
Разве это порок, если я до сих пор не умею
в полнакала гореть и любить в полдуши?

И в стихах, и в любви изъясняюсь на редкость коряво.
Не умею ласкать я изысканный слух.
Как ни терпок рассол, только та же хмельная отравка
исцеляет на утро свирепый мужицкий недуг.

Ты напрасно меня осторожно к сюрпризам готовишь,
чтоб спасти от беды, от опутавших сердце тенёт —
тут бессильна разлука, и только твоя же любовь лишь,
помрачившая разум, мне ясность сознания вернёт.

* * *

Апрель зашумел по Дунаю.
Всё прошлое поднял со дна.
Когда я один, я тебя вспоминаю.
А ты? Ты бываешь одна?

Меж нами — незримые грани.
В полях под Москвой — белизна,
а здесь за кирпичным кордоном окраин
хмельная бушует весна.

А мне бы скорей было любо
обратно листать календарь,
чтоб время сдалось, обрекая на убыль
и март, и февраль, и январь,

чтоб зимняя сказка под шорох
метели витала на них —
от снега и дрёмы немного тяжёлых
пушистых ресницах твоих...

Ещё не резвится по крышам,
в траве не пузырится дождь —
я звуки апреля ревниво услышал
по давнему скрипу подошв.

Я даже весной недоволен,
как всею своею судьбой.
Я знаю причину. Я дьявольски болен.
Я болен разлукой с тобой.

Пусть в ярости бесится муж твой,
пусть молнии мечет, слепя —
ты вечно со мной —
ты со мной, потому что
я всюду теперь без тебя!

Быть может, ты скажешь однажды,
пора, мол, порвать эту нить...
Смотри — не себя ли невольно предашь ты?
Как можешь ты мне изменить?

Те дни, что бывали одни мы,
ту песню, что льётся, звеня,
никто и ничто никогда не отнимет —
не в силах отнять у меня!

И снова, как будто захлестнут
живительной вешней волной,
я верю в другие, в счастливые вёсны,
как в миф исцеленья — больной.

Как раз и открыла река мне,
что ты подучилась у рек,
петляя, крутить и блудить с берегами,
а морю отдаться навек!

* * *

Мне снова сны наворожили,
что я с тобой, что я могу
глядеть в глаза твои большие
и слушать песню про Зангу¹.

Следить, как вздрагивает клавиш,
как шелестят углы страниц,
как ты смеёшься, как лукавишь
за чёрным веером ресниц.

Мы всё с тобой исправно делим —
часы раздумий и безумств.
И я боюсь, что за неделю
тебя запомню наизусть.

Но вмиг ты станешь небывалой,
иной, не понятой ничуть.
И вновь я гибну под обвалом
твоих страстей или причуд.

Любовь твоя, как вихорь, жгуча.
Зовёт и дразнит голос твой.
И упоён я, и замучен
твоею лаской огневой.

Нет никого тебя свободней!
И, может, завтра ты отдашь
совсем другому, но сегодня
целуй меня и будоражь!

1 Зангу — река в Армении

Да будет третий — тот, что лишний —
благим неведением храним!

Ты про него и говоришь мне,
чтоб хохотать самой над ним.

Твой смех, коварен и неистов,
мне долго чудился потом,
когда, очнувшись утром мгlistым,
я ещё бредил этим сном.

Я так и знал, что это ложь всё!
Всё, кроме истины одной,
что ты действительно смеёшься,
но не над ним, а на до мной.

* * *

Я тебе не стишки цветистые,
не пустые слова пишу.
Это истина, это исповедь —
то, что в сердце своём ношу.

И скажу тебе сразу правду всю —
не в признание и не в укор:
ты была моей тайной радостью,
болью стала с недавних пор.

Я готов был лишиться многого,
чтоб тебя удержать одну...
Но не надо искать виновного —
каждый знает свою вину!

Образ твой сохраню я бережно.
И не льщу тебе, и не лгу.
Так уж вышло! И я теперь уже
позабыть тебя не могу.

И найду тебя, где бы ни был я.
И прорвусь через все «нельзя».
Просто так, ничего не требуя
и тем более не прося.

* * *

Что-то ты всё резче, всё капризней.
И свернуть готова с полпути:
«Я ушла! Ушла из твоей жизни.
Из моей — уйди!»

Понимаю, для такой красивой
слишком тускло наше бытие.
Но коль жизнь моя, то ты не в силах
выйти из неё!

Может, улыбнемся? Подобреем?
А пока бреду в полубреду:
«Из твоей уйти? Да я скорее
из своей уйду!»

27 августа 1972

* * *

Знал, что будут цвести пересуды и сплетни.
Знал, что даже друзья могут бросить упрёк.
Но чтоб это письмо
вдруг из первого стало последним
даже думать не мог, даже думать не мог!

Что ж, мы оба с тобой совершенно свободны.
Не настолько я слаб, не настолько пропащ.
Я могу превозмочь боль какую угодно,
кроме, может быть, двух: это жалость и фальшь.

Станет бременем память —
не нужной, не милой.
Ты прочти эти строки и в ключья порви.
Пусть они лепестками осыпят могилу
похороненной заживо нашей любви.

* * *

Что за вихри нас подкараулили?
Выдержим ли? Не пойму пока.
То выстаиваем перед бурей,
то ломаемся от ветерка.

Но — что ни положено по жребию —
принимай! Да не ершись — держись!
Ты же знаешь: смерть ещё нелепее,
чем нескладно прожитая жизнь.

28 июля 1970

* * *

Ты уехала. Всего на день разлука.
И длинна, как жизнь, и коротка.
Быть с тобою порознь —
друг без друга —
видно, не обучены пока.

Помню, сомневались поначалу,
может ли с погодой повезти?
Мягким штилем море нас качало.
Буря закипала взаперти.

Уезжал, хотел писать, естественно.
Думал, заберусь-ка на Парнас.
Но бумага остаётся девственной...
Что не скажешь — ну, никак — про нас!

* * *

Ни зависти, ни зла нет.
Как спячка — суетня.
Приди хоть ты, тщеславье,
растормоши меня.

Податься ль в Геростраты
или, умерив прыть,
на грудь нагреть награды,
карьеру сотворить?

Как будто что-то стоят
медали да чины
перед одной звездой
такой величины?!

* * *

О, я Вас знал не по афишам!
Среди ткачих или актрис —
хоть я не видел и не слышал —
но Вы должны были найтись.

И сознавая это здраво,
я ждал годами этот час.
Ну, просто не имел я права
не встретить где-то как-то Вас.

Я поклонюсь Вам еле-еле.
Ответьте мне, хотя б кивком.
На днях исполнится неделя,
как с Вами я чуть-чуть знаком.

И всё, что было прежде —
древность.
А то, что впереди — светлей.
И обратилась повседневность
в сплошной какой-то юбилей!

* * *

Кого и как мне чувствовать
за тот счастливый миг?
Такое происшествие
не вычитать из книг.

Летит машина в сторону.
И вижу — за рулём
та самая, в которую
был по уши влюблён!

Так и не дав опомниться,
берёт она разбег.
Непросто познакомиться
в автомобильный век!

А я не верю случаю
уже давным-давно —
свиданье неминуемое
предопределено!

Ах, что за робкий парень я!
Всё брошу — догоню.
В конце концов, аварию
легонько учиню.

Прости, что, как юридивый,
я плёл какой-то вздор...
Но чьи ж ещё мелодии
мне напевал мотор?

То близкие, то дальние —
среди помех сплошных —
они, как ожидание,
как трепет позывных.

А я вконец запутался,
кружу-кружу окрест...
И, может, лгу орудовцам,
что совершенно трезв?

* * *

Я искал с тобой встречи —
не то, чтоб свиданья.
Если б справочный стол
дал мне адрес, пускай даже дальний,
я б прорвался к тебе,
с третьей, пятою, сотой
космической скоростью мчась.
Потому что дороже всех прежних
и даже грядущих свиданий
мне короткая встреча с тобою сейчас.

* * *

Где-то за морем, за океаном,
географии назло близка,
есть одна страна — Копакабана,
белая от солнца и песка.

Заманила нас и продержала,
как в плену, но, честно говоря,
на ту сторону земного шара
ездили мы всё-таки не зря.

В той стране, что стала нам дороже,
с золотым отливом берега!
Да она под рай годна! Но всё же
нам она не этим дорога.

Нам бесценнее любого дара
добытое вдруг из-под земли:
с дальней стороны земного шара
мы с тобой друг друга привезли.

В городе родном, смеясь и ссорясь,
был с тобой совсем не я, а он.
Мы же, может, вместе —
только порознь —
бегали на тот же стадион.

Что же нам в ту пору помешало
невзначай сомкнуть свои пути?
По ту сторону земного шара
смог же я потом тебя найти!

Ты уже — на первом перекрёстке,
а к судьбе дорога не легка.
Стань теперь царевною заморской
из студенческого городка!

Ах, любовь — бескрайная держава!
И везде по своему права!
С той же стороны земного шара
нам особенно мила Москва!

70-е

* * *

Всё думал, что последний матч не сыгран...
Ещё вспашу газон шипами бутс.
Ток поединка пробежит по икрам,
и хоть на тайм, но в молодость вернусь.

Познав и радость рифм, и боль немую,
какое счастье снова впасть в стихи!
Но тщетно сам себя с тобой рифмую,
созвучья гложут у конца строки...

Почти не чаю, что тебя увижу.
Ну, ты в Москве хотя бы покажись...
Мне всё мерещится, что станем ближе.
Да не на час — на остальную жизнь!

А ты в делах и славе, вся — в ударе!
Тебя непросто взять на абордаж.
Хотя как раз несбыточное дарит
шалуную дерзость,
дьявольский кураж!

Но время всё ж щедрее на утраты.
Мираж удач растаял впереди.
К любимым играм, видно, нет возврата —
ведь в ту же речку дважды не войти.

2007

Кто ж виноват? Не ты ж за то ответчица,
что нахватал я лишние года.

Как жаль, что нам

нигде

никак

не встретиться

и не обнять друг друга никогда!

Всё отойдёт к мечтам моим бесчисленным,
ко снам счастливым среди бела дня...

Давай вернёмся — ну, хотя бы мысленно —
к тем тридцати минутам у меня.

31 октября 2008

* * *

Нечаянно Нечаеву
в Стамбуле встретил я.
И заскулил отчаянно,
что у неё семья!

Да на такие данные
сбегутся все ловцы!
Но тут как тут — страдания:
нам в разные концы!

Неужто для свидания
мне ехать в Черновцы?
Устал — дорога дальняя.
Да стар — гожусь в отцы.

Нет, Юрийчук Наталию,
Нечаеву сиречь,
уж лучше бы в Анталию
на месяцок завлечь!

Пусть обеспечит Турция
нам потайной маршрут
и впишет в конституцию,
где нам встречаться тут!

16 октября 2008

* * *

Н. Л.

Просто смят, раздавлен, изничтожен
не красою слов, а вихрем чувств.
С детства я грешил стихами тоже,
но вот так — никак не доучусь.

Сто страстей во мне перебесилось.
Так и не догнал свою мечту.
Да к тому ж слащавую красоту
принимал, чудак, за красоту!

ЗАПОЗДАЛАЯ ЛИРИКА

Расстаться! Ни разу не встретишься...
Влюбляться — в мои ли года?!
Сорваться, как будто на месяц,
а кануть потом в никуда!

Сминая условностей ворох,
кромсая целинные льды,
я в этих немых разговорах
давно уже с Вами «на ты».

Но кто же играет судьбою
в сгустившихся сумерках дней?
Зачем же я брежу тобою —
ведь ты же не станешь моей!

Зачем же надежда слепая
сулит мне немереных лет?
Зачем я к тебе прикипаю,
коль времени вылюбить нет?!

Другой бы уткнулся и замер:
на кой ему сумрачный бред?
А тут — миллионы терзаний,
что рано родился на свет!

25 января 2005

* * *

Дух дерзновеннее плоти.
Сакраментален настрой.
Первая жизнь — на излёте.
Ты у меня во второй.

Вместо заштатного рая
просто к себе позови.
Грани рассудка стирая,
вихри безумья лови
в море блаженства без края...

Только зачем нам вторая,
если без нашей любви?!

* * *

...Женщины с безумными очами

А. Блок

Женщины — сокровища и ужас!
Кто не знал, познает какво!
Якорь постоянства и летучесть —
ветренее ветра самого.

Пышной грудью, стройными ногами,
милыми движеньями души
полонили нас, но отвергают.
И в неправом гневе — хороши!

Поразят характером несносным,
изведут живьём, но всё равно:
нам без них —
в прямом и переносном —
(как и с ними) жизни не дано.

21 января 2007

* * *

ЛНК

Мы полвека с лишним вместе прожили
то в ладах, то в неладах с судьбой.
Прошлыми, а там и позапрошлыми
невзначай окажемся с тобой.

Живы лишь по щучьему велению!
Только кто-то там, в небесной мгле,
зачищает — сразу поколениями —
всех, кто засиделся на Земле.

Ну, а мы и в вековечной праздности,
позабыв про трудности и труд,
будем там светиться все
от радости,
что немного погостили тут!

Барселона, 3 декабря 2005

* * *

Всех женщин в памяти перекликая,
я трижды поклонюсь тебе одной.
Спасибо, что ты есть! Что ты — такая!
Благодарю судьбу, что ты со мной.

И в час, когда пойдёт за горизонт всё,
утешусь тем, как были мы близки.
Да напоследок облака от солнца,
волнуясь, оборву, как лепестки.

* * *

Садись-ка к зеркалу.
Как будто так — побриться...
Поговорим. Безмолвствуя. Сопя.
Легко ль сказать, когда давно за тридцать:
обшарил всё и не нашёл себя.

Что ж, это — не последнее искусство.
Жизнь растеклась, как полая вода...
Но реки всё ж отыскивают русло!
А ты? Ты испарился в никуда.

Вставали утра в заревах по пояс...
Поблескивали звёзды с высоты...
Не многовато ль — столько лет на поиск
так называемой своей звезды?

Затеряна среди светил великих,
она таится там, в немой тиши.
Но не лучи, а мертвенные блики
сползают в каземат твоей души.

О, бескорыстье дружбы! Злое зелье!
Мы шумно пили, вверившись игре.
Друзей давно перетрясло похмелье,
а ты — всё пьян! Ничком на пустыре.

В садах любви ты слыл, но не был баловнем.
А руки, руки, что нежней стебля,
то отторгали напрочь, как шлагбаумы,
то оплетали шею, как петля.

А ты был парнем искренним и щедрым
и смело мог смотреть другим в глаза.
И наполнял стихи мечтой и ветром,
как алые — у Грина — паруса.

Ты только не умел беречь минуты,
и стал нужней тебя последний хлыщ.
Что толку в искренности, если глуп ты?
Что проку в щедрости, когда ты нищ?

Ты был во всём посредственный любитель.
Всё новое влекло тебя, слепя.
И, всё перелюбив, возненавидел,
возненавидел люто сам себя.

Ты изломался в жизни до предела,
и желчных слов теперь не удержать.
Скажи, скажи, кому б не надоело
титанов чтить, пигмеям подражать?!

Мир для тебя не стал с годами проще.
И по ночам всё так же неспроста
ты шаришь в небе пятерней на ощупь —
которая же там твоя звезда?

Ты мог бы жить без такого вздора.
Она, небось, сгорела на лету.
Мерцающее око светофора
тебе заменит в полночь ту звезду.

Она всего — нелепая вещица!
Но будь тебе ниспослана судьбой,
ты б мог, как второгодник, доучиться,
чтоб помереть хотя б самим собой!

СЫНУ

В дверях — каникулы гурьбой!
И ёлка вся в наряде.
И новый год перед тобой,
как чистый лист тетради.

Ты перечёркивать привык,
переправлять чуть выше.
Да только жизнь — не черновик.
Её не перепишешь.

ЮНОШЕ

Фразёры и плюгавые поэты,
как будто сговорясь, наперебой
угодливо трещат тебе об этом
и льстиво заклинают: «Будь собой!»

Но в пику всем оригиналам плоским,
не заблудись в тумане общих фраз:
в руках добра стань безответным воском,
а к злу будь твёрд и резок, как алмаз.

ДОЧЕРИ

Люди — сложные. Люди — разные.
Ты стоишь с горчинкой во рту.
Не плоди в себе неприязни,
развивай свою доброту.

Порт-оф-Спейн

* * *

Алёше Казимирову

Наш Алёша — забияка,
потому что в десять лет
для него потёмок нет:
учит знаки Зодиака,
знает, как устроен свет.
Под созвездьем Козерога
ты накопишь знаний много.
Папа с мамой и сестра,
дед и бабушка в нетерпенье
ждали этот день рожденья.
Все хотят тебе добра.
Все кричат: «Ура! Ура!
Ты теперь — не детвора!»
Все тебе желают, чтобы
крепок был и чтоб с утра
целый день текла учёба,
как весёлая игра!

13 января 1993

* * *

...Игоревичу Шичанину

Комочек жизни — наш двухдневный внук.
Ещё нет имени, а только отчество.
Зацеловать тебя безумно хочется —
от сладких пяточек до пухлых рук.

Твои отец и мать, сестра и брат,
деды и бабки слились в ликовании!
Ты щедро даришь нам все эти звания.
И каждый солнечному дару рад.

Как награждён я тем, что ты рождён!
Проспали новость Си-Эн-Эн и тассовцы.
А вся родня, спеша к тебе примазаться,
гуртом в роддом под вихрем и дождём!

У нас во внуках недобора нет:
глазастые родились, волосатые...
Но жаль, что так давно —
в восьмидесятые,
а ты начнёшь отсчёт с двух тысяч лет.

Ты Ельцина оставил в дураках
своим рождением: с лёгкостью проказника
ты этот день июньский сделал праздником,
чего былой «гарант» не мог никак!

Стань долгожителем, как новый век!
И пусть он от древнейших бед излечится!
Когда ж, в конце концов, вочеловечится
в науках одичавший человек?

Под лупу — каждый грамм и сантиметр!
А шустрый дед, став добровольным пленником,
себя в твои зачислил современники
и без остатка выпал в сантимент.

14 июня 2000

ДОМОЙ

ЛНК

В окнах сад такой, что должен сниться.
Сон приятнее, чем забытьё.
Ах, когда бы не было больницей
местопребывание твое!

С той войны знакомы нам невзгоды.
Чьи-то страны память нам теснят.
Ах, когда б не прожитые годы...
Мы же вместе скоро шестьдесят!

Белоснежны у сестер халаты.
Мрачноват у докторов прогноз.
Ах, когда б подъехали ребята!
Только бы не выказали слёз.

Кто ж бывает ЦКБ доволен —
этой чинной белою тюрьмой?
Ах, когда б сбежать тебе на волю —
не куда попало, а домой!

Лишь бы вырваться, а там да разве
не утопим комнату в цветах?
Ах, когда б... Из самых дальних странствий
мы друг друга не встречали так!

Жду свиданья дома — рад стараться.
Только б эту жуть перетерпеть!
Ах, когда бы вместе всем собраться
да, вдвоём оставшись, посидеть...

Не словес возжаждут наши души,
не благословения творца.
Ах, когда б наедине послушать,
как стучат морзянкою сердца.

Нелегко давать команды нервам —
веткам пересохшего ствола.
Ах, когда б хоть в этом стал я первым,
чтобы ты подольше пожила...

Три палаты. Вы уже трекляты!
Тяжко выбираться из ухаб.
Ах, когда бы всё превозмогла ты,
ах, когда бы вырваться смогла ты
и домой вернуться... Ах, когда б!

2012

* * *

Отпуск для того и выдан, видно.
Вот сижу на даче, как во сне.
Не с друзьями, не с подругой, Лида,
а опять с тобой наедине.

Сколько лет мы целые недели,
не ценя того, гнездились здесь!
Но вдвоём — увы, не досидели,
и давно один — в печали весь.

Ты же ведь не ведаешь, что Дмитрий
вот уж третий год, как не со мной.
Вас обоих дачною палитрой
не заманишь снова в мир земной...

Пролетают жизни, будто пули!
Подают и мне какой-то знак...
Может, лишь теперь бы мы смекнули,
что когда-то делали не так.

Видно, только опыт многолетний
разберётся в пройденном пути.
Дай мне шанс — последний-препоследний...
Если в чём-то виноват — прости!

2015

* * *

Дмитрию

Часто ль открывают душу настежь
даже близкие или родня?
Вот и я молчал о том, что значишь
ты для матери и для меня.

Незаметно, как взрослеют дети.
Годы так стремительно бегут!
Не хватило всех десятилетий
для пяти пронзительных минут.

Память всё вернуть сулит и тщится,
не сдаётся каверзной судьбе.
Каждый звук и всякая вещица —
всё напоминает о тебе.

Мы с тобой смеялись, обнимались.
С нами были Шефнер и Рубцов.
Я казнился и поныне маюсь —
не хватает самых верных слов.

Не успел сказать тебе о главном —
время кончилось. Да не моё!
Всем живым, а нам с тобой подавно
без конца потом — небытиё!

А покуда жив, кому охота
дни травить, стеная и скорбя?
Вот успеть бы сделать людям что-то,
а теперь ещё и за тебя!

Июнь 2013

* * *

Ты ушёл и вправду напрямую —
не в аэропорт, не на вокзал.
Будто специально путь срезал.
Как я без тебя перезимую —
мне пока никто не подсказал.
Ты полвека был моей весной,
благостью, сводившею с ума.
Только жизнь — сплошная кутерьма.
А с твоим уходом остальное —
просто беспросветная зима.

2013

ТАПОЧКИ

Дмитрию

Тапочки так и стоят у двери.
Ты ж ко мне в любое время вхож.
Знаю: ты ушёл. Но всё же верю,
что, быть может, как-нибудь придёшь.

Горд, что не был ты влеком тщетою —
ни чины, ни деньги, ни родня...
Может быть, и я чего-то стою,
раз тобой не упрекнуть меня.

Правда, всё ж я виноват от части,
ибо посоветовал тебе
строить счастье на своем участье
в избавленьи наших от ЧП.

В этом деле мы ещё не ловки.
Для преодоленья всяких бед
требовались годы подготовки,
множество конкретных «да» и «нет».

Рад, что, вопреки сплошным ухабам,
дело, начатое при отце,
ты довёл до сотворенья штаба,
кратко названного СКЦ.

То, что выбито умом и потом,
несравнимо с целой кучей благ.
Вот как раз теперь бы и работать,
если б... не губительный очаг.

Надвигался день девятый мая.
Звали все застрявшую весну.
А болезнь, корежа и ломая,
только набирала крутизну...

Тапки так и ждут тебя у папки...

2014

* * *

Сколько времени мы вместе прожили!
Жаль, что не считали лет и зим.
Может, чтобы стать ещё дороже мне,
не простясь, ушли жена и сын.

Больше нам никак, мои родимые,
не сбежаться и не побродить...
Разве, став еще необходимее,
вы имели право уходить?

Если б нам давали знать заранее,
где и как, а главное — когда?!
Неужели, чтобы стать желаннее,
разминуться надо навсегда?

Я ль отстал или вы меня покинули?
Мало с кем осталось по пути.
Видно, чтобы стать
чуть-чуть любимее,
надо раньше времени уйти...

2014

* * *

Иногда и вздорные задачи
громоздила мне моя жена:
рифмовала дачу и удачу,
ибо та не всякому дана.

Не был я какой-то важной птицей,
чтобы зариться на дачу мог.
От жены я ещё мог отбиться,
но всё чаще вторил ей сынок.

Что ж, в итоге выбил и построил,
утолил их жажду, даже страсть!
И бывало так, что все мы трое
нагулялись, надышались властью.

Были они счастливы на зависть!
А когда от нас ушла жена,
а за ней и сын, то мне казалось —
дача не особенно нужна.

Только как забыть мне дачу эту?
Даже ночью не собьюсь с пути.
Знать не знаю, но зачем-то еду:
ведь и там их тоже не найти...

Нет цены годам, прожитым с ними
вплоть до наказания судьбой!
Дача мне даёт побыть с родными
в дни уединения с собой.

ДПК «Ручей», 22 июня 2018

* * *

Вас давно уж нет, мои родные.
Только я не пересёк межу.
В полном одиночестве поныне,
даже в подлом — всё хожу-брожу.

Каждого из вас я помню с детства!
Отлетают годы, как листва.
Мне не деться и не отвертеться
из объятий нашего родства!

2017

* * *

Память в муках всё круче корчится,
будто впрямь на исходе дней.
Вспоминать имена и отчества
мне всё каверзней, всё трудней.

Записать бы всех либо высечь их,
став чтецом, а не мудрецом.
Ведь имели ж целые тысячи
имя, отчество и лицо!

А теперь разузнать мне хочется,
заучить и звать без труда
имя-отчество
одиначества —
я ж не знал его никогда!

2015

* * *

Если я, не спросясь, уйду,
не грусти и не плачь — не стоит!
Будут вишни цвести в саду,
а звезда говорить с звездою.

Всё — по прежнему. Что с того,
что грустящих осталось меньше?
Тут нисколько не колдовство —
это ж полное естество!
Но зато стало больше женщин!

* * *

Смертны все: хорошие, плохие,
всяких верований, разных рас...
Но одни — исчезли, а другие
всё равно не покидают нас.

В чём же дело?

Может, в чём-то личном?

Скажем, каждому близка родня...

Или кто-то славой и величьем
загипнотизировал меня?

Да, уйдя, родня ещё дороже,
даже станет нам ещё родней!
Но единомышленники тоже
все с тобою до последних дней.

Мы давно готовы к пополнению
триллионов, отгостивших тут.
Отдадим бессмертье поколениям,
что вот-вот на смену нам придут.

Каждую весною в гуще веток
дерзко вспыхнет свежая листва!
Ты давно для многих просто предок.
Правда, радуют нас так и этак
новые молодые существа.

И взвинтят — хотя бы напоследок—
наш восторг до грани торжества!

2015

* * *

Это ж не Анталья и не Ницца,
а в Лосином острове больница.

От одних лекарств тут будешь сытым
при шоссе, зачем-то всем Открытом?

А поодаль в выправке отцовской
у метро вас встретит Рокоссовский.

Западнее (будто от греха)
прячется вдали ВДНХ.

В той больнице, охлаждая пыл,
массу дней случайно я пробыл.

Это ж невозможно передать:
там вокруг — сплошная благодать!

А теперь наверняка приснится
вовсе не Анталья и не Ницца —
ставшей близкой дальняя больница!

* * *

В Лосином — всегда воскресение!
Настрой и погода — весенние.
И нет сновидений иных.
Но всё же потом — потрясение!
Сестра — медсестрица Есения
улыбками лечит больных!

* * *

Рвутся в Крым оравы, как десанты —
ради кувырканий и утех.
Не служаки — значит, коммерсанты!
Все они натужно лезут вверх!

Пусть резвятся там в жемчужных водах!
Нам они ни брат и ни сестра...
Нам с тобой куда бесценней отдых
у продляющего жизнь костра!

* * *

Дорогие мои сёстры-братцы!
Я тут перед вами, как птенец.
Не пора ли мне во всём признаться,
во грехах крамольных, наконец?

Может, слишком юным что-то начал,
не смекнув, и сразу невпопад?
Может, недостаточно лихачил?
Может, встретив друга, не был рад?

Было всё: и ладно, и отрадно,
и совсем невыносимо всем.
Год за годом вкалывал изрядно,
даже стаж набрал под 47.

Дружба не исчезла, не забыта.
В чём-то вы мне ближе, чем родня.
Ради нашей дружбы, кроме МИДа,
я нигде не прослужил ни дня.

Каждый час — свидетель, как непросто
сквозь десятилетия промчать.
И, конечно, всё-таки не до ста,
но до 90 «проторчать».

Сединой сплошную стала проседь.
Помню тьму ошибок — горький дым.
Хорошо бы всё дурное сбросить,
чтобы сразу стать почти святым.

Не забыта давняя забота,
тяжкая, как ноша за спиной:
пусть потомки воплотят во что-то
знания, не схваченные мной.

Жизнь лишь раз даётся человеку.
Что же всё же утешает нас?
Сколько ты в жестоких дебрях века
крепко выручил, а сколько спас?

Чуять каждый винтик в колеснице
всё-таки не всякому дано.
Чтоб вселенской доброты добиться,
одарить восторгом ваши лица,
века мне не хватит всё равно!

* * *

Наверно, всё-таки отправят в ад нас.
Гадать, когда и как, я не берусь.
Но именно за жадность, даже алчность,
которая теперь терзает Русь.

А мне б хватило и краюшки хлеба.
А из земного — больше ничего.
Да, как на даче, хоть кусочка неба
в бескрайности немислимой его.

РЕПЕТИЦИЯ

Все десятилетия итожа,
всё объяв — и вдоль, и поперёк,
рад удачам, но болею всё же
тем, что упустил или не смог.

Если с ходу не даётся что-то,
не робей — на дерзкий ход решишь!
Нам всегда важней всего работа,
но насколько разноцветней жизнь!

Предавался дружеству и спорам.
Жаль, что мало в чём оставил след.
Будто побродил по коридорам,
не посмев ворваться в кабинет.

Обучаюсь по больницам шастать.
Перепроверяю уйму чувств.
Постигаю счастье и несчастья.
От иллюзий сладеньких лечусь.

По семействам раскидав потомство,
не заметил, как осиротел.
Тренируюсь, как покинуть дом свой,
раз уж ясно — рядом мой предел.

Повелю друзьям сбежаться срочно!
Мне же их не слышно, как нарочно,
ни триаду выстрелов, ни гимн...
Словом, вместо прежних многоточий
ставлю точку.

Всё отдав другим!

ЦКБ, 18 апреля 2017

* * *

Всё о вечности да бесконечности
человек судачит с древних пор.
Неужель разумно эту речь нести
в дар потомкам? Это ж просто вздор!

Поиск истин — тяжелей тяжёлого.
Не справляется и тот, кто хват.
Бесконечность нам не лезет в голову —
череп виноват, что маловат.

22 июня 2018

СТРОФЫ

* * *

Быстро отживают век богини.
Прозревают люди неспроста:
красота — не совершенство линий,
дух необоримый — красота!

* * *

Напрасно грёзы манят в облака.
В орбитах тяготенья постигаем мы.
Ты, как звезда в ночи, недосыгаема,
но всё же светишь мне издалека!

* * *

Все силлогизмы напрочь отрицая
(а жизнь, кому она не дорога?),
общественник подался в полицаи,
но пел босяк на мушке у врага!

* * *

Юбки в пляске чертят вензеля.
В жар бросают —
 хоть рыдай, хоть смейся!
Полюбить цыганку? Ах, нельзя!
А не то бы излюбил донельзя!

* * *

Развернёмся. Прощай, планальто!
Вздрагнет красной косынкой пыль.
Раскаленной струей асфальта
захлебнётся автомобиль.

Бразилиа, 60-е.

* * *

Был хмур рассвет,
 и встречный ветер солон,
и холодней, чем прежняя, заря.
Но первый луч на плюшевых камзолах
уже выиграл цветами янтаря.

* * *

Черепичный город Лиссабон.
Весь открытый и штормам, и бризам...
Всю Европу прикрывает он.
Всей Атлантике бросает вызов.

1990

* * *

Опять на мне — конфликт.
На поле брани
на горе каждой ждущей их семьи
азербайджанцы гибнут и армяне.
Те и другие — нам давно, свои!

1992

У «СИКСТИНСКОЙ КАПЕЛЛЫ»

От восторгов люди не излечатся.
Видно, дюже был художник прав,
коль стоит веками человечество,
к этим высям головы задрав.

Рим, февраль 1993

* * *

Когда бы рано довелось уйти мне,
скорбела б мать, а, может, и родня.
Но это всё-таки — скажу интимно —
по-своему устроило б меня:

не надо ж ни учиться, ни лечиться!
А матери моей — поклон земной.
Утешьте тем, что больше не случится,
не приключится ничего со мной!

* * *

Душа бывает широка, как улица.
Другая — лишь полметра от ворот.
Напрасно
ревность с верностью рифмуется —
ведь тут и в корне всё наоборот!

* * *

Быть собой! Наперекор ли, в лад ли вам!
Кто-то полон чувств, а кто-то пуст.
Кто-то сеет бодрость, кто-то грусть...
Жизнь, конечно, не всегда талантлива,
но превыше всех и вся искусств!

* * *

Прошла пора. Не гложет сердце жалость.
И ты не та, и я спокойней стал.
Но для меня ты навсегда осталась
как песня, как мечта, как идеал.

* * *

Становлюсь всё злей и злее —
пыткой стали юбилей!
Только любящий елей
учиняет юбилей!

* * *

Я принимался много раз
писать тебе стихи,
но так погряз
среди драм и дрязг,
что стал на песни не горазд.
На то — холостяки!

* * *

Одно стихотворение — удача!
И я уже от счастья пировал.
Другое, что в шедевры предназначил, —
увы, провал! Давно его порвал.

* * *

Не прощал мне бог моих грехов.
Ни ошибок, ни плохих стихов.
Может, я грешил совсем не много?
Нет, увы... Но не искал я бога!

* * *

Искорки в глазах, да прелесть тела,
да тоску оставила — навзрыд!
Словом, пролетела — улетела.
Где-то, с кем-то — не со мной — парит.

* * *

Не потому ль, что я так влюбчив,
друзья зовут меня поэтом?
Конечно, классик в этом — Тютчев.
Эх, обойти б его хоть в этом!

Овстуг, 5 декабря 2009

ШАЛОСТИ ВСЕРЬЁЗ

* * *

На углу Смоленской и Арбата,
рядом с МИДом — будто бы в пивной,
восседали шустрые ребята —
кто тверёзый, кто-то вдрызг хмельной!

Так была удобна им лежанка!
Тёплым струям кто бы не был рад?
Мимо шла гражданка-иностранка
чтоб разведать, что там за Арбат?

Не понять ей те хмельные звуки,
что летят с лежанок всё дурней.
Выразительнее были руки,
что пьянчуги так тянули к ней.

Тошен стал для всех, ходивших близко,
этих сцен дурацких перепад,
как и все нелепые отписки,
что пеклись Управою Арбат.

В битве против этой грязной пьяни
стало нам начальство ни по чём!
А в итоге даже мэр Собянин
в операцию был вовлечён.

Ну, а мэру лучше, если жёстко!
Чтобы не был угол слишком гол,
(Ну, к чему мельчить — менять решётку?)
он два «мавзолейчика» возвёл.

Выходящему на угол — здрасьте!
Два шедевра в бешеной цене!
Первый явно — неразумной власти,
а второй, наверно, той шпане.

Март 2020

* * *

*Р. Н. Нишанову,
в день его 90-летия*

Понимаем, как непросто
доползти до 90.
Но желаем неспроста
добежать теперь до 100!

15 января 2016

* * *

*А. А. Бессмертных,
в день его 70-летия*

Ваше имя уж давным-давно
в дипломатии искрится, светится.
Вам забвенья никогда не встретится.
Так судьбой predeterminedено!
В самом деле — что такое 70
тем, кому бессмертие дано?!

10 ноября 2003

АВТОРУ КНИГИ
«НЕОТВРАТИМОСТЬ»

А. Я. Сахнину

Лучше мы свой уговор нарушим,
но тебе, Аркадий, воздадим!
Если обществу ты просто нужен,
то друзьям — вот так! — необходим.

Нам теперь яснее вдвое, втрое,
и об этом всем сказать хотим,
что для отвратительных героев
ты, как божий суд, неотвратим.

Даже трезвый всеми ты любим.
Позови — разденем и разуем.
Гонорар твой промотаем в дым.
Как писатель — ты ж неистощим!
Как читатель — я не наказуем.

САМООПРАВДАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

Я имею право заблуждаться
и метаться, маяться, нуждаться,
и идти наперекор всему —
трезвому расчёту, здравому уму.

Право на эксперименты, то есть
на свободу творчества, на поиск.

Право на прикидку, на пристрелку,
право сдвинуть как угодно стрелку,

дать обратный ход календарю:
я же литератор — я творю!

Это вот сапёр, фугас поправ,
пусть тотчас лишается всех прав!

Это вот хирург — пускай пока
действует во мне наверняка!

Ей-то что под взмахами ножа?
ведь она бесплотная — душа.

* * *

*П. С. Баженову, преподавателю
математики в школе № 524 в Москве*

Сколько лет прошло, но не забудем
самой главной формулы твоей:
каждое биенье сердца — людям,
каждый вдох и выдох — для людей.

* * *

*В. Ф. Стукалину,
в день его 80-летия*

Человек любой: святой ли, грешный ли
издаёт свой характерный звук.
Нет, не тот, что вы подумали, конечно же.
Скажем, Шумов — шум,
Стукалин — СТУК.

Он в парткоме нас казнил и миловал.
то мурлыкал мягко, то рычал.
но не оправдал своей фамилии:
про грехи мои НЕ НАСТУЧАЛ.

80 лет дано не каждому.
Вам же, дорогой наш политрук,
всё желают, даже больше — жаждут
долго слышать сердца ровный СТУК.

21 июля 2007

* * *

*В. И. Величко,
в день его 70-летия*

Прокатилась эхом перекличка
по Москве да по России всей.
Сбор друзей — прекрасная привычка!
Неспроста величие Величко
с юных лет в обилии друзей.

Он мужал с друзьями не на пляже.
Закалялся, стоя на своём.
Если будет надо, перепляшет,
если скажут лечь — без звука ляжет.
Даже если это не вдвоём.

Семь десятилетий просвистело.
Без родни, судьбой неповторим,
он не знает в дружестве предела!
Да, сдаёт — в какой-то части — тело,
дух же стоек и необорим!

14 июня 2007

* * *

*Д. Ф. Сафонову,
в день его 100-летия*

Жизнь скоротечна, но под гул событий
в неё Вы окунулись с головой.
Не описать их всех и не забыть их!
Вам удивлять потомков не впервой.
Вы — наша совесть! Вот и надо быть ей
не просто вечной — вечно вековой!

Анталья, 12 октября 2009

* * *

И. Д. Бубнову

Каждому свои присущи свойства:
разный мозг и разные тела.
Игорь Бубнов — символ беспокойства
вовсе не за личные дела.

Мог любого затерзать звонками.
Но уже проходят дни и дни.
Что с тобою? Ты молчишь, как камень.
Игорь, выкрой время — позвони.

Но, увы, звонка уже не будет.
А оставшимся понять пора,
сколько с долькой укоризны людям
остаётся от него добра.

2015

ДЕНЬ КОМПЬЮТЕРЩИКА
13 сентября (256-й день в году)

А. И. Смирнову

В День компьютерщика снова,
суеверьям вопреки,
в МИДе чествуют Смирнова.
Не могло и быть иного:
кто — бутылку, кто — стихи...
Академик. Дока-доктор.
Сто ролей в одном лице.
И чего бы кто ни квохтал —
основатель УКЦ!
Годы грузом не висят.
Что за мелочь — шестьдесят!
Всё играет в молодце.
Восклицание — в конце!

2006

* * *

А. И. Смирнову

Начинался утром мгlistым
день рожденья программиста.
Информатики основа —
в сочинениях Смирнова.
Он-то знает, что в конце
всё же будет СКЦ!
Взял Медведев за основу
день рождения Смирнова.
Неслучайно был так быстро
учреждён День программиста.

**ДВУМ ВАЛЕНТИНАМ ПЕТРОВИЧАМ —
ПОСЛАМ РОССИИ В ПОРТУГАЛИИ**

В. П. Касаткину

В. П. Вдовину

Дегустатор португальских вин,
ты кого в наследники готовишь?
Должен быть он смел, как Валентин,
и, как камень, твёрд — то бишь Петрович!

* * *

*А. В. Чурлину,
к юбилею экс-разведчика*

Ты был на Западе нередко,
секреты добывая там.
Ну, что ж — давай теперь в разведку
к неведомым нам ста годам!

* * *

Н. Б. Алексеву

Всё старше мы, всё старше,
а всё же невдомёк,
что реки жизни нашей
впадают в «Ручеёк¹».

1 «Ручей», «Ручеёк» — один из дачных посёлков МИД РФ

* * *

С. Б. Крылову

Жизнь с годами всё дороже.
Только я не про рубли.
И не про валюту тоже.
Каждый год и дан, Серёжа,
чтоб мы видеться могли!

26 октября 2009

К 40-ЛЕТИЮ ВЫПУСКА ИМО-53

День сегодня короток, как жизнь.
Ночь настанет вечности длинней.
С каждым годом, как там ни ершишь,
впереди всё меньше лет и дней.

Их бывало — не окинешь взором.
Нынче — грузом памяти висят.
Раз не удалось попасть на «сорок»,
пусть мне будет вековым позором
не обнять вас всех на «пятьдесят».

*Аланды, Мариехамн, 22 декабря 1993.
Поездка на Аланды сорвала участие автора
в 40-летней встрече выпускников МГИМО
1953 г.*

ОХМУРЯТЬ — СВЯТОЕ ДЕЛО

В. И. Масалову

Если что в стихах убого
и тоскливо до обид,
чаще ввёрстывай в них Бога.
Может, внемлет — подсобит.

Надо, чтобы без предела
твой читатель верить мог.
Охмурять — святое дело!
Ведь на то тебе и Бог.

Лишь друзьям, коль спросят строго,
уж признай в своём кругу,
что ничуть не веришь в Бога...
Только Богу — ни гу-гу!

«ЛОТОС»

Как восточный падишах,
раззолотясь,
в астраханских камышах
вырос «Лотос».

Здесь на дне — одни сомы!
Клёв удачен.
Немцы ловят их, а мы
горько плачем.

Тут мечтают лечь на дно
все, кто прибыл.
Всё вокруг, как в домино,
пахнет рыбой.

Расплодились у реки
рыболовы,
да пойдут не в рыбаки —
в острословы!

Но зато без лишних слов,
словно бонзы,
тут «балдеют» семь послов
и генконсул!

*Поселок «Лотос» (Астрахань),
12 сентября 1997*

* * *

В отпусках я отпускаю бороду.
Прорастёт быстрее, чем листва.
Даже день-другой хожу по городу.
Вот такая форма озорства!

И опять не сговориться женщинам,
что идёт, а что мне не идёт.
Ну, не разобраться в этой вещи нам:
так или как раз наоборот?

Не пора ль мораль из дела вывести?
Приговор готов, и он таков:
бородатых уличим в бесстыдности —
раз не бреются ради солидности!
Пощадим одних озорников.

2015

* * *

Осень. Серо. Сыро. Сиро.
За окном всё тот же дождь.
Дорогая моя Ира,
ну, зачем тебе квартира,
если ты меня не ждёшь?

Мы б её прогрели жаром.
Стала б сауной она.
Мы б не мучились угаром.
Нашу пару с лёгким паром
поздравляла б вся страна.

Мы б объездили полмира —
от Парижа до Памира.
Я бы в роли командира
был, как в юности, задира.
Вызвал бы на помощь лиру,
чтоб войти в твою квартиру.

Ты во всём солистка, Ира!
Не с тобой живёт родня.
Ну, зачем тебе квартира?
Не жильё, а западня —
чтоб заманивать меня!

Ты же сохнешь без кумира!
Вот исчезла ты в окне.
Жаль мне это. Но вдвойне,
что не по моей вине.
Ну, зачем тебе квартира?
Ведь она полезней мне!

* * *

Я привык стишков своих стесняться,
мирною безвестностью храним,
не могу пока раскрыться, братцы.
Кто я есмь, не смею вам сознаться —
неразборчив даже псевдоним.

* * *

К. У. Черненко

Звания, медали, ордена...
Для чего вся эта вакханалия?
Дела, а не треска ждёт страна.
Ожиданья быстро доконали Вы.

Захотелось, видно, жить по-прежнему,
а не скромной жизнью трудовой.
Жить опять по Брежневу, безбрежному
в жалком любовании собой.

Русью это уже трижды пройдено:
что важней — казаться или быть?
Делать вид, что любит тебя Родина,
или делом Родину любить?

Может, бесполезна эта проповедь.
Только разве лучше жить, терпя?
Но сумели ж Ленин и Андропов ведь
только делом выделять себя!

Кто же дело на награды выменял?
Грудь в медалях — труд не по плечу!
Надо б Вам равняться по Владимиру,
а не Леониду Ильичу.

1984

ЗВЕЗДОЧЁТ

К. У. Черненко

Звёзд полно, да нет почёта
на Руси для звездочёта.
Потому что звездочёт
мало в чём другом сечёт.

Я бы ставил на учёт
всех, кого тщета влечёт!

1984

НА ВОСШЕСТВИЕ ЦАРЯ БОРИСА

Демократы победили вроде бы.
Подарили Родине пародию.

Безобиднейшим из наших зол
царь Борис опять на трон взошёл.

В Угличе сработал он нетонко:
чисто не сумел убрать мальчонку.

Но в Москве он стал куда шустрой:
пачками рубил секретарей!

Победили демократы вроде бы...
Русь — простор для нищих и юродивых.

Им карающе грозят перстом
и в слезах сажают на престол.

Смутным время на Руси бывало.
Видно, не хватало нам развала.

Вся Россия — чудная картина! —
ныне под «эффектом Буратино».

1990

КУР ИЛИ ОРЛА?

Мы живём, в очередях сутулясь.
Кур дают? Двуглавого орла!
Кто сказал «ни два, ни полтора»?
Это ж наш орёл — Борис-Бурбулис! —
расправляет когти от добра...

Что вам куры? Курица — не птица!
У орла ж — и клюв, и взмах крыла!
Жажда крови в нём не умерла.
О четыре ока меньше спится,
да втройне сподручнее напиться
в два горла!

1992

«ТЕНИ ИСЧЕЗАЮТ В ПОЛДЕНЬ»

*О выступлении Г. Бурбулиса
в МИД РФ*

Тени расцветают ровно в полночь.
Шарлатаны на Руси — не редкость.
И не мафии ли нашей в помощь
воспевал один Бурдюк Бурбоныч
нравственность,
 порядочность,
 корректность?

1992

* * *

Это не проходит и не лечится,
беспреданно в голове звеня:
как же обходилось человечество
все тысячелетья без меня?

По урочищам ползли уродища.
Верещали не на той волне.
А ведь среди них и мои родичи,
всё ещё неведомые мне!

Сам, конечно, не того же вида, я
выполз за родителями вслед.
Жаль, что скряги, как обычно, выдали
мне так скупо меньше сотни лет.

Чтобы всё познать за горизонтами,
растяну години на ходу.
Если даже вдруг не хватит сотни мне,
как бы не стыдили — не уйду!

Внуки-правнуки должны быть счастливы
с предками, да и от нас вдали!
Пусть бы по другим планетам шастали,
а не в Землю нашу полегли.

Пусть Армагеддон и не мерещится!
Ну, а чтобы больше не перечить Вам,
козыряю истиной простой:
кто же сам заставит человечество
стать навечно голой сиротой?

Июнь 2018

НЕСКУЧНЫЙ САД

Не бывает полностью безгрешных.
Чистых идеалов и не жди.
Но всё чаще на слуху, конечно, —
то болезненно, а то потешно —
то, что отчубучили вожди.

Старший был в скромнейшей униформе.
Не носил у пояса кинжал.
Но стоявших на своём (как помню),
моментально засекал верховный
и со всей учтивостью... сажал.

А другой в международном гаме,
будучи с Уставом незнаком,
не умел в речах ходить кругами
иль хотя б голосовать ногами —
просто подал голос башмаком.

Тот, кто лет восемнадцать правил нами,
прежнего оставив не у дел,
ордена свои вздымал, как знамя —
даже весь придавлен орденами,
речь свою и сам читать умел.

Вожаки у нас способны были
начудить и в малом, и в большом,
кувыркались в небыли и были:
а один ГорБился, что любили
ну, хотя бы там — за рубежом.

Все грешили вдоволь, а вон энтот
рисковал собою, как не всяк —
будто кабинет сдавал в аренду,
брал с собой на дачу документы
лихо поработать во-трезвях!

Опоздать легко! Одною левой!
Путника подвёл, мол, тарантас...
Но задержка и нужна как раз,
чтобы, скажем, Трамп и королева
свыклись ждать его хоть целый час!

Королева, Байден, всякий сброд —
нечего лететь к ним наперёд!
Но когда же он своих уважит —
не опаздывать себя обяжет?
Ожиданиями сыт народ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Никогда прежде не доводилось автору сборника озадачивать себя изданием своих стихотворных упражнений. Тем более, что многое было написано аж две трети века назад, в студенческую пору. Всегда считал свои стихи довольно случайными (написаны по случаю), недоработанными, не лишеными даже противоречий.

А сейчас это издание — просто выполнение прямого наказа наиболее близких людей: жены и сына. К сожалению, даже пролистать этот сборник они уже не смогут.

Наше поколение застало Великую Отечественную, хотя и не могло по возрасту участвовать в ней. Но подростки тоже хлебнули немало бед и лишений. Неудивительно, что нам долго казалась неизбежной и новая война. Отсюда в стихах одногодков — опасения и предчувствия новых потрясений, нотки тревоги и готовность противостоять испытаниям.

Застали мои сверстники и культ личности И. В. Сталина. Делать вид, что это как бы не коснулось нас, а тем более выдавать себя за диссидентов — просто недостойно. И ныне те или иные крайние суждения на этот счет преобладают над объективными взвешенными оценками. Поэтому не стал стесняться того, что было набросано в конце сороковых — начале пятидесятих годов того века.

Если читатель сборника найдет, что сказать или подсказать автору (vnik@mail.ru), буду в любом случае только благодарен.

Весьма признателен московскому издательству «Вест-Консалтинг» и его руководителю Евгению Викторовичу Степанову за инициативу публикации этого сборника и ее превращение в жизнь.

В. Казимиров

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений СТЕПАНОВ. <i>Предисловие</i>	
Дипломат и поэт Владимир Казимиров	5

НАЧАЛО

«Третий год — то, подминая наст...»	9
«Пусть говорят мне, что всё перепето...»	10
«Люди, люди! Да как же вы жалки...»	11
На ветру	12
Ровеснику	15

РОДИНА И ЗАГРАНКА

«Никто не выбирает — где родиться...»	17
Сны на чужбине	18
В дороге	19
Из рижской тетради	20
«В памяти надолго остаётся...»	22
Со страниц «ПРАВДЫ»	23
Новогоднее	25
Ночь в военном лагере	27

Армейский большевик	28
«Ветер, гарью в лицо нам дунувший...»	29
Перед атакой.	32
Испанскому другу	34
Безработный	36
Профессор.	38
Стихи о МГИМО	40
«Жили — нельзя проще...»	42
В нашу зачётку.	44
«Об этом предки Ваши вряд ли грезили...»	46
Весна в Москве	47
Письмо деда	48
Карпаты	49
Весна на Оке	51
Сад под землей.	53
Возмужание	56
«Друзья про чудо нам твердят восторженно...»	58
«И в зной, и в стужу ледяную...»	59
«То фиалетов, то оранжев...»	61
Ангола.	63
«Гонка мира».	66
«Я пил Швейцарию глазами...»	68
«Как недолго в полях белизна!..»	69
«Как этот образ нам сохранить?..»	70
Раздумья	72

«Тщета — нахапать деньги лишние!..»	74
«Смерть смерти — рознь! Я сам её боюсь...»	76
Мы за мир	77
«Жизнь конечна. Но ещё не кончена...»	78
Народу своему	79
«Стержень нестигаемый — Россия!..»	80
«От Каширы — сотня до столицы...»	81
«Зачем галдеть о Родине часами?..»	82
«Нас война взрастила, безотцовщина...»	83

В ТУ ЭПОХУ

С именем вождя	85
Начало	91
Твоё слово	93
В латышском колхозе	95
Богатырь	97

ДОЛГ И ДРУЗЬЯ

На пороге	99
«Интересно с друзьями детства...»	101
«Дороги, дороги... Глухая округа...»	103
Сосна	105

У первой учительницы	106
«Мне этот косный мир взорвать бы разом...»	110
«В калейдоскопе, в суете событий...»	111
«Умереть хочу я мигом...»	112
Друзьям	113
Друзья не уходят	114
Добринка	115
«Я с годами стал сентиментальней...»	116
«Ныне никакому поколению...»	118
Покамест	120
При входе в ВАД — ещё не в ад	122
«Постой, одумайся, вернись...»	124
«Ни вежи в глуши, ни просвета...»	125
«Вроде не лентяй и не бездельник...»	126
Автобиография	127
«Оправдания мои убоги...»	129
«Жизнь превратна. Это ж небылица...»	130
Про авторов песен	131
«Что-то мне в больницах не рифмуется...»	132
«Это стало часто, слишком часто!...»	133
«Все мы здесь на срок, что нам неведом...»	134
«Нам всегда своим упорством ценен...»	135
«Никого среди школьных друзей не осталось...»	136
«Кончились мои десятилетия...»	137

СВОИ И ЧУЖИЕ

На переменке	139
«Улица, знакомая, как детство...»	141
«После всякой суеты и шума...»	143
«Не красней, меня случайно встретив...»	144
«Пусть воспоминанья душу теплят...»	145
«Без упреков, без горьких жалоб...»	146
«Я не стою тебя ничуть...»	147
«Веди меня — пойду в любую сторону...»	148
«Серый сумрак фарами распорот...»	149
«Не купятся ничем мне...»	150
«Я пишу тебе в первый раз...»	151
«Если пулей, как тобой, пронизан...»	153
Зимние ночи	154
«Ты опять такая необычная!..»	157
«Эта ночь первозданней всех...»	158
Надпись на тетради	159
«Быть может, иное забудется снова...»	160
«Я покинул дом бродягою...»	161
У моря	163
«Зал, залитый светом ярко жёлтым...»	165
«О завтрашнем дне не гадая...»	166
«Брось ты спрашивать сама...»	167
Песенка	168
«Если ты тоскуешь в разлуке...»	169

«Тот же самый сквер. Скамейки эти ж...»	170
«Я вовсе не мечтаю стать поэтом...»	171
«Стал я письма писать пореже...»	172
«Пусть на сердце глухая грусть...»	173
«Может быть, когда душа прорвётся...»	175
«Стою под вспышками...»	176
«Помнишь — встретились мы с тобою...»	180
«Звёзды — даже в сонмах — бродят сирые...»	181
«Против ожидания...»	182
«Всё кажется...»	183
«Покорился — сердцу не перечат...»	184
«Совершенство не знает предела...»	186
«Мне нравится, что ты чужда капризам...»	187
«Пусть чиновная свора...»	188
«Апрель зашумел по Дунаю...»	189
«Мне снова сны наворожили...»	191
«Я тебе не стишки цветистые...»	193
«Что-то ты всё резче, всё капризней...»	194
«Знал, что будут цвести пересуды и сплетни...»	195
«Что за вихри нас подкараулили?...»	196
«Ты уехала. Всего на день разлука...»	197
«Ни зависти, ни зла нет...»	198
«О, я Вас знал не по афишам!..»	199
«Кого и как мне чувствовать...»	200
«Я искал с тобой встречи...»	202

«Где-то за морем, за океаном...»	203
«Всё думал, что последний матч не сыгран...»	205
«Там всё смешалось — Турция и Греция...»	206
«Нечаянно Нечаеву...»	208
«Просто смят, раздавлен, изничтожен...»	209
Запоздалая лирика	210
«Дух дерзновеннее плоти...»	211
«Женщины — сокровища и ужас!..»	212
«Мы полвека с лишним вместе прожили...»	213
«Всех женщин в памяти перекликаю...»	214
«Садись-ка к зеркалу...»	215
Сыну	217
Юноше	218
Дочери	219
«Наш Алёша — забияка...»	220
«Комочек жизни — наш двухдневный внук...»	221
Домой	223
«Отпуск, видно, для того и выдан...»	225
«Часто ль открывают душу настезь...»	226
«Ты ушёл и вправду напрямую...»	227
Тапочки	228
«Сколько времени мы вместе прожили!..»	230
«Иногда и вздорные задачи...»	231
«Вас давно уж нет, мои родные...»	232
«Память в муках всё круче корчится...»	233
«Если я, не спросясь, уйду...»	234

«Смертны все: хорошие, плохие...»	235
«Это ж не Анталья и не Ницца...»	236
«В Лосином — всегда воскресение!..»	237
«Рвутся в Крым оравы, как десанты...»	238
«Дорогие мои сёстры-братцы!..»	239
«Наверно, всё-таки отправят в ад нас...»	241
Репетиция	242
«Всё о вечности да бесконечности...»	243

СТРОФЫ

«Быстро отживают век богини...»	245
«Напрасно грёзы манят в облака...»	245
«Все силлогизмы напрочь отрицая...»	245
«Юбки в пляске чертят вензеля...»	246
«Развернёмся. Прощай, планальто!..»	246
«Был хмур рассвет, и встречный ветер солон...»	246
«Черепичный город Лиссабон...»	247
«Опять на мне — конфликт. На поле брани...»	247
У «Сикстинской капеллы»	247
«Когда бы рано довелось уйти мне...»	248
«Душа бывает широка, как улица...»	248
«Быть собой! Наперекор ли, в лад ли вам!..»	248
«Прошла пора. Не гложет сердце жалость...»	249
«Становлюсь всё злей и злее...»	249
«Я принимался много раз...»	249

«Одно стихотворение — удача!...»	250
«Не прощал мне бог моих грехов...»	250
«Искорки в глазах, да прелесть тела...»	250
«Не потому ль, что я так влюбчив...»	250

ШАЛОСТИ ВСЕРЬЕЗ

«На углу Смоленской и Арбата...»	251
«Понимаем, как непросто...» (Р. Н. Нишанову)	253
«Ваше имя уж давным-давно...» (А. А. Бессмертных) ...	253
Автору книги «Неотвратимость» (А. Я. Сахнину) ...	254
Самооправдание писателя	254
«Сколько лет прошло...» (П. С. Баженову)	255
«Человек любой...» (В. Ф. Стукалину)	256
«Прокатилась эхом перекличка...» (В. И. Величко) ...	257
«Жизнь скоротечна...» (Д. Ф. Сафонову)	258
«Каждому свои присущи свойства...» (И. Д. Бубнову) .	258
День компьютерщика (А. И. Смирнову)	259
«Начинался утром мглистым...» (А. И. Смирнову) ...	260
Двум Валентинам (В. П. Касаткину, В. П. Вдовину) ...	260
«Ты был на Западе нередко...» (А. В. Чурлину)	261
«Всё старше мы, всё старше...» (Н. Б. Алексееву)	261
«Жизнь с годами всё дороже...» (С. Б. Крылову)	262
К 40-летию выпуска ИМО-53	262
Охмурять — святое дело (В. И. Масалову)	263
«Лотос»	264

«В отпусках я отпускаю бороду...»	264
«Осень. Серо. Сыро. Сиро...»	266
«Я привык стишков своих стесняться...»	267
«Звания, медали, ордена...» (К. У. Черненко)	268
Звездочёт (К. У. Черненко)	269
На восшествие царя Бориса	269
Кур или орла?	270
«Тени исчезают в полдень»	271
«Это не проходит и не лечится...»	272
Нескучный сад.	273
Владимир Казимиров. Послесловие.	275

для заметок

для заметок

Владимир Николаевич Казимиров

**Наброски
разных лет и эпох**

Издание второе

Стихотворения

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Ирина Ракитина

Формат 120x165

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 750 экз.

Сдано в набор 05.02.2021

Подписано в печать 19.03.2021

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12.
Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.